

Н. БЕРДЯЕВ

Правда и ложь коммунизма*

Коммунизм есть сложное явление и ему нельзя просто сказать «да» или «нет». В коммунизме есть правда и есть ложь, жутко перемешанные. И вот, если положить на чашу весов правду и ложь коммунизма и посмотреть, что перевешивает, то мы увидим, что многое в коммунизме есть его правда и лишь одно есть его ложь. Но эта одна неправда столь безмерно превышает все его правды, что правды оказываются искаженными. В чем же правда коммунизма? Можно установить целый ряд положений, в которых правда на стороне коммунизма. Прежде всего это правда отрицательная, критика лжи буржуазно-капиталистической цивилизации, ее противоречий и болезней. И это есть также правда обличения выродившегося упадочного лже-христианства, приспособленного к интересам буржуазной эпохи истории. Но есть и положительная правда в замысле организации и регуляции хозяйственной жизни общества, от которой зависит жизнь людей и которая не может быть дальше предоставлена игре индивидуальных интересов и произволов. Идея планового хозяйства есть принципиально верная идея. Либеральный принцип формальной свободы в хозяйственной жизни порождает величайшие несправедливости и лишает значительную часть человечества реальной свободы. Правда коммунизма в том, что общество должно быть трудовым, обществом трудящихся, хотя коммунизм и не понимает качественной иерархии труда. Русские коммунисты, расклеивая на всех советских заборах слова: «не трудящийся да не ест», вероятно не подозревали, что слова эти принадлежат Ап. Павлу. Правда коммунизма в том, что не должно быть эксплуатации человека человеком и класса классом. Господство человека над стихийными силами природы не должно переходить в господство человека над человеком. Правда, что распадение общества на классы, ведущие между собой борьбу, должно быть преодолено и что классы должны быть заменены профессиями. Правда, что политический строй должен представлять реальные хозяйственные нужды и интересы людей, т. е. быть профессионально-трудовым. С этим связана критика формальной демократии. Политика должна служить экономике. Это есть требование социального реализма. Правда, что политика должна быть связана с цельным мирозерцанием. Политика обездушенная, не подчиненная великой идее не может зажигать души. Правда, что теория и практика должны быть соединены в целостном типе культуры и жизни. Высший культурный слой, элита не может оставаться оторванным от социальной жизни, лишенным социального базиса, он должен служить социальному целому. Наконец, правда, что национальный эгоизм и обособленность, порождающие вражду и войны, должны быть преодолены в сверх-национальной организации человечества. Коммунизм ставит перед всем миром великую проблему радикального социального переустройства. Весь

мир горит, жаждет трансформации, ищет новой, лучшей жизни. Сила коммунизма в том, что он имеет целостный замысел переустройства жизни мира, в котором теория и практика, мышление и воля слиты. И в этом коммунизм подобен средневековому теократическому замыслу. Коммунизм подчиняет жизнь отдельного человека великой мировой сверх-личной цели. Он по-новому возвращается к пониманию жизни, как служения, которое совершенно исчезло в дехристианизированную буржуазно-либеральную эпоху. Каждый молодой человек чувствует себя строителем нового мира. Пусть это будет строительство Вавилонской Башни, но оно наполняет жизнь последнего из людей захватывающим сверх-личным содержанием. Экономика есть уже не частное дело, а мировое дело. Человек принудительно освобождается от частной жизни, он переустраивает мир. Необычно увлекает молодежь, что мир стал пластичен, что его можно как угодно лепить, как угодно переустроить. Индивидуального человека коммунизм отрицает, но коллективного человека он признает всемогущим. Каждый человек призван к коллективному переустройству мира. Тяжесть прошлого, традиции, которые так сильны на Западе, сброшены, творение мира начинается как бы сначала. Сама свобода у народов Запада мешает радикальному переустройству мира. Сохранение status quo дает ощущение свободы, изменение же ощущается как насилие. Свободу коммунизм понимает совсем не как возможность избрания, возможность повернуть направо и налево, а исключительно как возможность реализовать свою энергию, решив повернуть в одну сторону. Свобода избрания кажется обесценивающей, подрывающей энергию. Если сравнить советскую Россию, напр., с Францией, то можно сказать, что первая есть страна принуждения, вторая же есть страна свободы. Но в стране свободы очень трудно социально реформировать жизнь, самый принцип формальной свободы стал консервативным принципом. Это — один из парадоксов свободы. В русском коммунизме обнаружилась огромная витальная сила. Но ее нельзя отнести исключительно на счет коммунизма, который есть лишь условная символика, это есть прежде всего витальная сила русского народа, сила раньше скованная и теперь раскованная.

Но ложь коммунизма более велика, чем его правда. Она исказила и его правду. Это есть прежде всего ложь духовная, а не социальная. Ложен и ужасен самый дух коммунизма. Дух этот есть отрицание духа, отрицание духовного начала в человеке. Ложь коммунизма есть ложь безбожия. Отсюда все вытекает. Безбожие не может пройти даром. Отсюда и бесчеловечие коммунизма. Отрицание Бога приводит к отрицанию человека. Коммунизм не останавливается в среднем и переходном гуманистическом царстве. Он отверг Бога не во имя человека, как то часто бывало, а во имя третьего принципа, во имя социального коллектива, нового божества. Коммунизм последовательно отверг то, что называют христианским «ми-

*) Заключительная часть одноименной статьи.

фом». Гуманизм не дошел до последовательного и окончательного его отвержения. Христианский «миф» есть не только миф о Боге, но также и миф о человеке, богочеловеческий миф. Сначала хотели отвергнуть только одну половину христианского «мифа», «миф» о Боге. «Миф» же о человеке оставили. Идея центральности и верховенства человека есть остаток христианского «мифа». Человек есть Божья идея и Божье творение, образ и подобие Божье. В этом его высшее достоинство и безусловное значение. Диалектика гуманистического процесса была такова, что сначала отвергли Бога, но образ и подобие Божье в человеке еще оставили и на этом основывали безусловное значение человека. Это с необычайной силой и остротой выражено в антропологической философии Л. Фейербаха. Бога он отверг, теологию заменил антропологией, но человек у него обладает еще божественными свойствами. Человек творит Бога по своему образу и подобию. Но это есть лишь вывернутая наизнанку христианская истина о творении человека по образу и подобию Божьему. Христианский «миф» о человеке у Фейербаха остается, философия Фейербаха безбожна, но не бесчеловечна. Антропоцентрический миф еще христианского происхождения. Маркс вышел из Фейербаха и усвоил себе все аргументы феербаховского атеизма. Но он пошел гораздо дальше в разрушении христианского теоандрического «мифа». У него нет уже феербаховской веры в человека, как божество. Он утверждает не антропоцентризм, а социоцентризм или пролетароцентризм. У него не остается уже в человеке образа и подобия Божьего. Человек есть образ и подобие общества. Он целиком продукт социальной среды, экономики своей эпохи и класса, к которому принадлежит. Человек есть функция общества и даже только функция класса. Человека нет, есть лишь класс. И когда не будет уже классов, тогда также не будет человека, будет социальный коллектив, коммунистическое общество. Таков последний результат отрицания Бога, отрицания образа и подобия Божьего в человеке, духовного начала в человеке. Все отрицательные стороны коммунизма отсюда вытекают. Коммунизм есть социальная идолатрия. Отрицание живого Бога всегда ведет к созданию ложных богов. Социальный коллектив, которому воздаются божеские почести, заменяет собой и Бога и человека. Центр сознания перемещается. Нет уже личной совести, личного разума, нет уже личной свободы. Есть только совесть коллектива, разум коллектива, свобода коллектива. Очень поучительна в этом отношении автобиография Л. Троцкого, очень эгоцентрическая, но и очень талантливая, повествующая о драматической судьбе революционной личности в революционном коллективе. Троцкий после Ленина главный творец большевицкой революции. Он очень типичный революционер. Но он не настоящий коммунист, не до конца коммунист. Он еще допускает возможность индивидуального мнения, индивидуальной критики, индивидуальной инициативы, он верит в роль героических революционных индивидуальностей и себя, конечно, причисляет к таковым. Он не понимает того, что можно было бы назвать мистикой коллектива и что это и есть самая жуткая сторона коммунизма.

Из безбожия и бесчеловечия коммунизма вытекают все его неправды. Неправда кровавого насилия, которым он хочет осуществить социальную правду, неправда тирании, которой не может потерпеть достоинство человека. Допущение каких угодно средств для осуществления своей цели, которую почитают высшей и единственной. Злоба, ненависть и месть, как путь осуществления совершенной жизни, братства людей. В учении Маркса был демонический элемент, который и определил непобедимый динамизм этого учения. Маркс верил, что добро может быть осуществлено через зло, что свет может быть добыт через тьму, что свобода произойдет от необходимости. Зло должно возрастать, тьма должна сгущаться. Так понимал он диалектику общественного процесса. Положение рабочих должно ухудшиться в капиталистическом обществе (Verelendungstheorie), рабочие должны все более и более озлобляться и проникаться мстительными и насильничес-

кими чувствами. На этом основано революционно-мессианское упование Маркса. Маркс хотел, чтобы рабочий класс, который есть эмпирическая реальность, проникся пролетарским сознанием. Но когда он проникается пролетарским сознанием, тогда у него возникает чувство ressentiment, обиды, зависти, ненависти, мести. Необходимо делать различие между «рабочим» и «пролетарием». Рабочий есть трудящийся, труд же священен. Положение рабочего тяжелое и оно должно быть улучшено. Необходимо бороться за освобождение рабочих от рабства. Но пролетарий не есть просто рабочий, это рабочий, который проникнут мессианской идеей пролетариата, его грядущей силой. Пролетариат совсем не есть эмпирическая реальность, пролетариат есть идея. И в этой своей стороне марксизм, исповедующий сознательно самый наивный материализм, есть крайний идеализм. Он хочет подчинить действительность «идее» и эта «идея» насилует и калечит действительность. Не следует понимать слишком буквально материалистическую символику коммунизма, она условна и есть лишь борьба против религии и христианства. В действительности коммунизм очень спиритуален и идеалистичен. Самый материализм коммунизма есть спиритуальный и идеалистический материализм, в котором сама материя не играет почти никакой роли. И эта спиритуальность есть темная, безбожная спиритуальность. Обвинять коммунистов нужно в том, что они слишком люди «идеи». Для них не существует живой человеческой личности. Бесспорно коммунизму свойствен крайний, совершенно кошмарный экономизм, который вытесняет все остальные стороны жизни и подавляет жизнь. Советские коммунистические органы печати наполнены исключительно экономикой, в них нет ничего другого. Но это совсем особого рода экономика, это экономика спиритуальная и метафизическая, заменяющая Бога и духовную жизнь, обнаруживающая подлинное бытие, сущность вещей. Самый экономизм не Маркс выдумал, как не он выдумал и материализм. Материализм взят им из буржуазной просветительной философии XVIII века. Экономизм взят им из капиталистического общества XIX века. Но марксизм придал этому экономизму метафизическую и даже религиозную окраску. С ним связываются мессианские упования. Пятилетка, которая ставит себе прозаическую цель индустриализации России и объективно совсем не есть социализм, а государственный капитализм, переживается с религиозным пафосом. Извращение иерархии ценностей произошло уже в буржуазно-капиталистическом обществе. В нем уже отрицались духовные ценности, как верховные. В нем уже произошло качественное понижение уровня культуры. Это общество уже поклонилось мамоне. То исключительное значение, которое приобретает техника в коммунистическом строительстве, взято из индустриально-капиталистической цивилизации, часто есть подражание Америке. Но в коммунизме увлечение техникой получает зловещий эсхатологический оттенок. Коммунизм раздирается основным противоречием: он вдохновляет мировой идеей переустройства мира, вызывает нечеловеческую энергию и внушает энтузиазм и вместе с тем он осуществляет серый, скучный земной рай, бюрократическое царство, в котором все будет рационализировано и не будет уже тайны и бесконечности. Экономизм оказывается последним уделом человека, вне этого нет уже никакой жизни, никакого бытия. Окончательно убиваются великие идеи Бога и человека и с ними падает все содержание человеческой жизни, остается лишь экономика и техника.

Невозможно понять коммунизм, если видеть в нем только социальную систему. Страстность антирелигиозной пропаганды и антирелигиозных гонений в советской России можно понять, если увидеть в коммунизме религию, которая хочет заменить собой христианство. Лишь религии свойственно притязание быть носительницей абсолютной истины, на это не может притязать никакое политическое и экономическое направление. Лишь религия может быть эксклюзивной. Лишь религия знает обязательный для всех катехизис. Лишь религия может притязать

зять на обладание всей человеческой душой до самой глубины. Никакая политика, никакое государство не может на это притязать. Коммунизм гонит все религии, потому что он сам есть религия. Созная себя единственной истинной религией, он не может терпеть наряду с собой других ложных религий. И он есть религия, которая хочет осуществить себя силой и принуждением, не считаясь с свободой человеческого духа. Это есть религия царства этого мира, последнего и окончательного отрицания мира потустороннего, отрицания всякой духовности. Именно поэтому и самый материализм делается спиритуальным и мистическим. Коммунистическое государство совсем не есть обыкновенное светское, секуляризованное государство. Это есть государство священное, «теократическое», берущее на себя выполнение функций, которые принадлежат церкви. Оно формирует человеческие души, сообщает им обязательное вероучение, требует всей души, требует, чтобы ему воздавалось не только «цесарево», но и «Божье». Очень важно понять этот лже-теократический характер коммунистического государства. Им определяется вся его структура. Это есть система крайнего социального монизма, в котором нет различия между государством, обществом и церковью. Поэтому никакой церкви это государство не может терпеть наряду с собой или может терпеть лишь временно и по соображениям оппортунистическим. Старое христианское теократическое государство тоже не могло терпеть наряду с собой никакой другой религии и церкви. Это находилось в существенном противоречии с христианской свободой духа и являлось источником крушения теократии. Коммунистическая «теократия» более последовательна, ибо свобода духа входит во вдохновляющую ее веру.

Христианство не осуществило своей правды в полноте жизни. Христианство осуществило себя или условно-символически в теократиях, которые не хотели знать свободы, т. е. основного условия всякой подлинной реализации, или практиковало систему дуализма, как в новой истории, когда власть христиан ослабела. И потому явился коммунизм, как кара и напоминание, как извращение какой-то подлинной правды. В коммунизме есть эсхатологический момент. Апокалипсис означает не только открытие конца истории. Существует также апокалипсис внутри истории. Конец всегда близок, время всегда со-

прикасается с вечностью. Мир нашего времени совсем не есть абсолютно замкнутый мир. Но бывают времена, когда это стояние времени перед вечностью острее чувствуется. Эсхатологический момент означает не только суд над историей, но и суд внутри истории. Коммунизм есть такой суд. Правда, которая не хотела себя осуществлять в красоте, в Божьей красоте, осуществляется в уродстве. Тут мы стоим перед очень интересным феноменом. Русские коммунисты впервые в истории попытались осуществить в жизни коммунистическую идею.* Но как они вошли в жизнь, с какими душевными чертами, с каким выражением лица? Они вошли с чертами необыкновенного душевного и нравственного уродства, необыкновенной безблагодатности. Благодать красоты не осенила их прихода в жизнь. Поэтому у коммунистов есть ressentiment, они раздражены тем, что производят безобразное впечатление. Все оказалось уродливым: уродливое выражение лица, уродливые жесты, уродливо-неблагородный душевный уклад, уродливый уклад советского революционного быта. Это имеет глубокий онтологический смысл. Пусть в коммунизме есть большая социальная правда. Я убежден, что она есть. Но уродство в осуществлении этой правды означает, что она смешалась с большой неправдой, что Бог отошел от путей ее осуществления. Уродство есть всегда знак онтологического повреждения. Ибо подлинное просветленное и преобразованное, благодатствованное бытие есть красота. В русской коммунистической революции совсем нет красивых театральных жестов великой французской революции, нет красивой риторики. Русский народ вообще не театрален и не риторичен. Ленин писал и говорил умышленно некрасиво и грубо, без всяких украшений. В этом сказался аскетизм и бедность русского нигилизма. Л. Троцкий кажется единственным человеком в русской революции, который дорожит красивым жестом и театральностью, который хочет сохранить красоту образа революционера. Но в уродстве русских коммунистов есть и своя положительная сторона, в нем есть правда о неправде и есть симптом неправды в путях осуществления правды. Это совсем, конечно, не значит, что те, которые противостоят коммунизму, всегда отличаются красотой.

* До этого бывали частые коммунистические вспышки.

В. ПИРОЖКОВА

Трагедия Герцена*

Вернемся к центральной проблеме Герцена, к тому «новому миру», в осуществление которого он все еще верил или хотя бы питал надежду, что он осуществится. Какое значение имел этот чаемый «новый мир» для Герцена? В своей молодости он пытался абсолютировать мир в Боге, мир мог быть понят только через Бога. Тогда ему «мешало тело». Теперь место абсолютного Бога заступает абсолютный мир. Герцен не отбросил и не преодолел своей внутренней религиозности, он только направил ее на другой объект. Не случайно он говорит о «земной религии». «Религия грядущего общественного пересоздания — одна религия, которую я тебе завещаю», — пишет он своему сыну, посвящая ему свою книгу «С того берега». В этой «тайной

религиозной мечте», как говорит Зеньковский, заложены, в конечном счете, корни его неприязни к мещанству.

Несмотря на благоразумие, которое он выражает в своих поздних письмах к вечному революционеру Бакунину, Герцен не оставляет надежды, что новый совершенный мир однажды наступит. Этот мир должен быть, конечно, идеальным, это мы уже видели. И как раз мещанство, эта «персонифицированная середина», стоит поперек дороги к полному изменению нашего мира. В среде сытого довольства не может вспыхнуть пламя, «святой огонь» Герцена. Какое значение имеет то, что некоторые государственные формы стали лучше, человечнее? По сравнению с последней целью, с абсолютным идеалом, все это не играет никакой роли. Несколько тысяч километров ближе или дальше от цели, какое значение это может иметь, если цель лежит в бесконечности?

Герцен ищет воплощения своего идеала в этом, постороннем мире. Трансцендентность он отрицает полнос-

* Заключительная глава из книги Alexander Herzen, *Zusammenbruch einer Utopie*, München, 1961. По-русски эта книга выйдет в 1971 г. Перевод автора.

тью. Внутренняя религиозность перенесена в этот мир, а потому этот мир должен быть идеальным, совершенным. Хотя Герцен в последние годы своей жизни понял, что этот идеал не может быть осуществлен немедленно, путем революции, насильственного переворота, но сам идеал остался незатронутым. Изменен только путь, идеал должен быть достигнут путем пропаганды, — даже пропаганды врагу, — убеждения, воспитания. Мы видели, что Герцен сомневается, можно ли и этим путем достигнуть совершенного идеала; в своей статье о Роберте Оуэне он ясно высказывает эти сомнения. Но самые глубокие свои сомнения в идеале как таковом он выразил, собственно говоря, очень рано.

В своей замечательной книге «С того берега», написанной им сразу же после неудачной революции 1848 г., Герцен спрашивает себя, что такое человек как таковой. Совершенный мир нуждается в совершенном человеке. Но таков ли человек? Будет ли он когда-нибудь таким? Может ли он вообще когда-нибудь стать таким? Ответ, в котором Герцен не хочется признаться, звучит «нет». Но если согласиться на этот ответ, тогда не останется никакого выхода. Герцен спрашивал себя, не нужно ли равенство мозгов для того, чтобы все поняли истину, т. е. то, что Герцен считал истиной. И уже этот вопрос показывает, с каким мучением думал Герцен о человеке, потому что этот вопрос затрагивает глубочайшие слои и касается корней человеческого существования. Хотя Герцен уже очень рано этот вопрос поставил, он его никогда не додумал до конца: он не мог.

В качестве эпиграфа к одной из глав своей книги «С того берега», которую он назвал „*Consolatio*“, он ставит слова Гете: «Человек не рожден, чтобы быть свободным». Для такого апологета свободы, каким Герцен был всю свою жизнь, это страшные слова. Глава содержит разговор между молодой дамой и немолодым врачом. Врачи в произведениях Герцена часто выступают как знатоки человеческой души и жизненные философы. Это — результат материалистически-позитивистических воззрений Герцена, он верил, что человек, изучающий физические процессы организма, способен понять и душевные. Но мы знаем, что на самом деле школьная медицина вплоть до недавнего времени уделяла удивительно мало внимания душевным переживаниям своих пациентов.

Дама высказывает в этом разговоре все тезисы просвещения и утверждает, что хотя люди сейчас еще дурны, полны предрассудков, суеверия, невежества, но все это изменится. Человек достигнет, в конце концов, того, к чему он всегда стремился. Поколение за поколением будет совершенствоваться, пока не будет найдено правильное решение, потому что человечество развивается. Врач этому не противоречит. Да, даже мозг совершенствуется, но это не залог успешного завершения человеческих стремлений. «Ни стремление, ни верность его — нисколько еще не обуславливают осуществления».¹ В отношении стремления к свободе и независимости врач особенно скептичен: «История этого не показывает», и он вспоминает знаменитый нонсенс Руссо: «Человек рожден свободным — и повсюду в цепях», это равнозначно тому, как если бы кто-либо сказал: «Рыбы рождены летать, но вечно плавают». В подтверждение первой части этого утверждения можно указать на летающих рыб: рыбы же могут летать! Отчего же другие рыбы не следуют этому примеру? Такого же рода мышление врач аттестует своей собеседнице: и она смотрит только на великие личности, на «летающих рыб», и требует от серой массы, чтобы она стала такой же, как эти немногие. «Вы смотрите а priori и, может быть, логически правы, говоря, что человек должен стремиться к независимости. Я смотрю патологически и вижу, что до сих пор рабство — постоянное условие гражданского разви-

тия, стало быть, оно или необходимо, или нет от него такого отвращения, как кажется».²

А что такое вообще свобода? «Думали ли вы когда-нибудь, что значат слова „человек рождается свободным“? Я вам их переведу, это значит: человек родился зверем — не более. Возьмите табун диких лошадей, — совершенная свобода и равное участие в правах, полнейший коммунизм. Зато развитие невозможно. Рабство — первый шаг к цивилизации. Для развития надобно, чтоб одним было гораздо лучше, а другим гораздо хуже; тогда те, которым лучше, могут идти вперед на счет жизни остальных. Природа для развития ничего не жалеет».³

Опять Герцен находится в плену своего материалистического, исключительно постороннего мышления. Человек не зверь, и правильно понятая мысль: «человек рождается свободным» совсем не означает, что он рождается зверем. Человек рождается свободным совсем в ином смысле. Он рождается образом и подобием Божиим и тем самым причастным Божией свободе, которую Бог дарует человеку. Это другая свобода, чем та, которую подражает Герцен, она включает в себя и долг по отношению к истине, и чем совершеннее человек связывает себя с истиной, тем свободнее он становится. Эта свобода включает в себя вопрос: «свобода для чего?», а не только: «свобода от чего?» Но не связанная ничем и лишенная своих божественных корней анархическая свобода Герцена в самом деле приближается к свободе зверя. В парадоксальной форме Герцен высказывает то, на что мы уже указывали: на такой свободе нельзя построить общества. Вспомним, что именно Герцен называл «рабством». Для него уже самодисциплина, а тем более всякая связь с религией означает внутреннюю несвободу, своего рода рабство. Но одним из важных признаков человека является как раз способность укрощать свои собственные страсти, способность подняться выше самого себя и принести жертву тому, что человек считает высшим. Если «освободить» человека от такого «рабства», то что тогда, в самом деле, останется? Зверь?

Нет сомнения, что в человеческом обществе было и есть достаточно действительного рабства и угнетения. Но они вопреки утверждению материалистов совсем не нужны для развития. Удастся ли на земле когда-нибудь уничтожить всякое угнетение, это сомнительно, но нет сомнения, что мы должны бороться против него везде, где оно появляется в какой бы то ни было форме. Мы не должны оставаться равнодушными к угнетению и успокаивать себя рассуждением, что оно всегда было и будет, только формы его меняются. С другой стороны мы не должны закрывать глаза на то, что зло, в самом деле, всегда было и будет до конца мира. По существу оно не является необходимым. Освобождение от всякого действительного рабства и угнетения не отбросило бы человека на уровень зверя. Напротив, человек тогда именно по-настоящему стал бы человеком, и его развитие не было бы заторможено. Человек — это не только природное существо, которое подчинялось бы только законам природы, человек — существо духовное. Между прочим, такие слова как: «природа для развития ничего не жалеет», бессмысленны, так как природа понимается здесь антропоморфно.

В продолжении разговора врач утверждает, что свобода не только вряд ли желательна с точки зрения цивилизации, но что и человек к ней совсем не стремится. Напротив, он боится свободы и ищет, к чему бы прислониться: «Не забывайте, что человек любит подчиняться, он ищет всегда к чему-нибудь прислониться, за что-нибудь спрятаться».⁴ Массы не поняли своих учителей, не слушают их, не будут за ними следовать. Массы спокойно позволили казнить вождей французской революции и были, в

² т. 5, стр. 458—59.

³ т. 5, стр. 462.

⁴ т. 5, стр. 462.

¹ Герцен, Александр. Собрание сочинений, 22 тома. Издание М. М. Лемке, Петроград, 1919—1925 г., т. 5, стр. 457.

конец концов, правы, так как те старались для себя, они хотели себя освободить. На возражение молодой дамы, что массы, может быть, не поняли Сенеку и Цицерона, но последовали за 12 апостолами, врач отвечает, что христианское учение было искажено, претворение его в жизнь не удалось, христианство стало римским, варварским, чем угодно, только не евангельским. Здесь мы опять видим, что Герцену важно даже не только осуществление в этом мире тех или иных идей, но и радикальные успехи в деле этого осуществления.

Дама советует врачу все же верить в лучшее будущее человечества, и в ответ врач рассказывает ей, как он пытался вылечить двух детей, больных скарлатиной. Оба умерли. Мать, сначала почти обезумевшая от горя, сказала потом, что так лучше, оба ее ребенка попали чистыми на небо. «Какая разница между этим фанатизмом и верой человека в людей, в возможность лучшего устройства, свободы. Это сознание, мысль, убеждение, а не суеверие», — восклицает дама. «Да, то есть не религия *Jenseits*, а религия *Diessets*, религия науки, всеобщего родового, трансцендентального разума, идеализма. Объясните мне, пожалуйста, отчего верить в Бога смешно, а верить в человечество не смешно; верить в царствие небесное — глупо, а верить в земные утопии — умно. Отбросивши положительную религию, мы остались при всех религиозных привычках, и, утратив рай на небе, верим в пришествиерая земного и хвастаемся этим. Вера в будущее за гробом дала столько силы мученикам первых веков, но ведь такая же вера поддерживала мучеников революции; те и другие гордо и весело несли голову на плаху, потому что у них была вера в успех своих идей, в торжество христианства, в торжество республики. Те и другие ошиблись. Мы пришли после них и увидели это».⁵

Эти слова стоят в книге, на которой написано следующее посвящение сыну: «Религия грядущего общественного пересоздания — одна религия, которую я завещаю тебе». Здесь уже поистине нет больше выхода.

Сделаем от себя только одно замечание: слова «те и другие ошиблись» неправильны. Христианину нельзя сказать, что он ошибся, потому что ход истории якобы показал, что христианство неосуществимо. Такое «осуществление», то есть полная, абсолютная земная гармония, никогда не было обещано. Никогда не было обещано, что зло будет полностью преодолено здесь, на земле, что все политические и социальные проблемы будут решены, или что болезни и другие страдания исчезнут, и воцарится полное благополучие. Хотя христианин вполне ответственен за этот мир и царящий в нем строй и ни в коем случае не смеет отказываться от этой ответственности, он всегда знает, что зло в этом мире никогда не будет совсем преодолено, полная гармония не наступит, все проблемы никогда не будут решены. Царствие Божие в своем завершении обещано только на «новой земле» и под «новым небом». Можно, конечно, утверждать, что христианин ошибается, что нет Бога и нет загробного мира, но нельзя искать доказательства этого утверждения в истории. Это не критерий для истинности христианства. Герцен неправильно понимает и сущность первых христианских мучеников. Мать в рассказе врача и эти мученики верили одинаково. Для этой веры не может быть решающим, как земной мир выглядит сегодня, выглядел вчера или будет выглядеть завтра.

Вернемся к Герцену. Если забыть на время сомнения относительно возможности грядущего переустройства мира и сохранить веру в будущее общество счастья, свободных людей, тогда встает другой грозный, мучительный вопрос. Мы его уже знаем: «Если прогресс цель, то для кого мы работаем? Кто этот Молох, который по мере приближения к нему тружеников, вместо награды пятится и в утешение изнуренным и обреченным на гибель толпам, которые ему кричат *morituri te salutant*, только и умеет ответить горькой насмешкой, что после их смерти будет прекрасно на земле. Или вы обрекаете современных людей на жалкую участь кариатид, поддерживающих террасу, на

которой другие когда-нибудь будут танцевать... или на то, чтоб быть несчастными работниками, которые, по колону в грязи, тащат барку с таинственным руном и со смиренной надписью «Прогресс в будущем» на флаге?»⁶

Герцен классически и до сих пор непревзойденно формулировал роковую проблему всякой веры в чисто земной прогресс. Герцен отказывается от такого прогресса. Недопустимо жертвовать теперешними живыми людьми, чтобы будущие поколения жили счастливо. Каждая эпоха, каждое поколение, каждая личность являются ценностью в себе. Они не могут быть объектами, пожертвованными безумно ради счастья будущих поколений. Какую цену имело бы такое счастье? Человек не является средством к цели. Человек — самоцель. Эти мысли Герцена нам уже знакомы.

Проблемы, поставленные Герценом, потом углублялись и развивались Достоевским, С. Булгаковым, Бердяевым. Мы слышим тот же мучительный вопрос из уст Ивана, обращенный к Алеше: «Представь себе, что ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале очастливить людей, дать им, наконец, мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулачком в грудь, и на неотомщенных слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях?»

Сергей Булгаков пишет, что Герцена всю жизнь мучили «карамазовские» вопросы. В самом деле, Достоевский, который хорошо знал и ценил Герцена, использовал многое из его сочинений для своих героев. Великий инквизитор бросает Христу почти тот же упрек, что и врач молодой даме в «*Consolatio*», а именно, что Он пришел якобы только для избранных, немногих, а это жестоко, и что Он принес людям «невыносимый дар свободы», тогда как у человека нет задачи более настоящей, чем избавиться от этого «страшного дара» и к чему-нибудь прилечь. Даже Достоевский, несмотря на свою веру, не мог вполне справиться с этой проблемой. Глубже проник в нее Н. Бердяев в своей книге «Смысл истории».

Для атеиста Герцена эта проблема была неразрешима. Так как он отрицал трансцендентность и потусторонний мир, он не видел возможности восстановления справедливости для каждого отдельного человека. С другой стороны его глубоко возмущала мысль, что можно приносить одних людей в жертву для счастья других, еще будущих, людей. Трагедия Герцена заключалась в том, что он был с одной стороны человеком, ищущим справедливости, человеком с тайной религиозностью в душе, но без Бога, с другой стороны умным аналитическим мыслителем, которого не могла долго удовлетворить подмена религии земной утопией. Он зашел в тупик, в полную безвыходность. С. Булгаков пишет о нем: «Его мы находим в сочинениях Герцена, где находим скорбную повесть крушения утопии, тем более скорбную, что крушение это было совершенно неизбежно. Мораль этой повести, если нужна здесь мораль, коротка, она гласит: не сотвори себе кумира и всякого подобия...»⁷

Ничто не характеризует душевного состояния Герцена лучше, чем то, что он написал в одном из своих писем из Италии: «Я не только смотрел на вид, но и на монаха, и на него-то именно я смотрел с глубокой завистью, — пожил бы в этом торжественном одиночестве, но монастырь для нас заперт, это чужой отдых. покой от другого бремени, ответ на другие стремления. Куда, в самом деле, денется человек усталый, сломленный или просто неосторожно заглянувший за кулисы и понявший оптически и обман... Для страждущих духом современное общество приготовило только сумасшедший дом.

Психология христианства была глубже и гуманнее, — она пожалела уставших».⁸

⁶ т. 5, стр. 405.

⁷ Сергей Булгаков, «От марксизма к идеализму», С. Петербург, 1903 г., стр. 172.

⁸ т. 16, стр. 542.

Из мемуаров Н. Я. Мандельштам

В Америке в английском переводе вышли мемуары вдовы поэта Осипа Мандельштама, Надежды Яковлевны Мандельштам. Воспоминания эти уже некоторое время ходят в России в «самиздате», и несколько машинописных копий их разными путями проникло на Запад. Русское издание этой замечательной книги должно скоро выйти в Нью-Йорке в издательстве имени Чехова. Мы печатаем ниже полученные нами от одного из наших постоянных читателей, в руках которого оказалась одна из машинописей мемуаров, выдержки из последних.*)

*

«НАДО ЛИ ВЫТЬ?»

... я часто задумывалась, надо ли выть, когда тебя избивают и топчут сапогами. Не лучше ли застыть в дьявольской гордыне и ответить палачам презрительным молчанием? И я решила, что выть надо. В этом жалком вое, который иногда неизвестно откуда доносится в глухие, почти звуконепроницаемые камеры, сконцентрированы последние остатки человеческого достоинства и веры в жизнь. Этим всем человек оставляет след на земле и сообщает людям, как он жил и умер. Воем он отстаивает свое право на жизнь, посылает весточку на волю, требует помощи и сопротивления. Если ничего другого не осталось, надо выть. Молчание — настоящее преступление против рода человеческого...

ПЕРЕЛИЦОВКА ИСТОРИИ

... Мы ведь не стесняемся исказить биографии, даты смерти — кто пустил слух, что О. М. был убит немцами в Воронеже? Кто датировал все лагерные смерти началом сороковых годов? Кто издает книги живых и мертвых поэтов, пристрастно пряча все лучшее? Кто держит годами в редакционных портфелях уже подготовленные к печати рукописи погибших и живых писателей и поэтов? Всего не перечислить, ведь слишком много спрятано и закопано в разного рода запасниках, а еще больше уничтожено...

О МАРИЭТТЕ ШАГИНЯН

На одном из допросов в ГПУ после своего ареста в 1934 г. О. Э. Мандельштам сказал следователю, что согласен сотрудничать с любым советским учреждением кроме Чеки. По этому поводу Н. Я. Мандельштам пишет:

А мы с О. М. вспомнили этот эпизод в разгар ежовщины, когда в «Правде» появился подвал Шагинян, где она рассказывала, как подсудимые охотно открывают душу своим следователям и «сотрудничают с ними» на допросах... И все это, по мнению Шагинян, происходит от великого чувства ответственности, свойственного советскому

человеку... Добровольно Шагинян написала этот фельетон, или по инструкции свыше, во всяком случае забывать его не следует...

Мариэтта сделала вид, что ничего не слышала про аресты: «Кого арестовывают? Почему? Открыли заговор, взяли пять человек, а интеллигентшишки подняли крик...» Ее собственная дочь кричала ей в ухо про семью Третьяковых, но Мариэтта, спасаясь блаженной глухотой, ничего не расслышала. Адалис побоялась пустить нас ночевать, но тут же разыграла комедию: «Почему вы не идете к себе домой? Я пойду с вами, и если придет милиция, я им все объясню... Я берусь» [...] Испытание страхом — одна из самых страшных пыток, и после нее люди уже оправиться не могут...

О СОВЕТСКОМ «ДВУАЗЫЧЬЕ»

В какой момент переходят они с языка учрежденческого и высоко-идеологического на язык домашний? Самый крупный из наших драматургов все мечтал написать пьесу о двуязычьи и об этом критическом моменте. Но он принадлежал к старшему поколению и поэтому замысла своего не осуществил. А руки у него чесались, и он все спрашивал: «Когда это бывает? На улице или уже дома?». Через много лет к этой теме подошел другой писатель, гораздо моложе, рассказав о заседании сельсовета. У него мужики переходили на казенную речь по звонку председателя, открывающего собрание...

(Н. Я. Мандельштам имеет здесь в виду известный рассказ А. Яшина «Рычаги»).

О ЛАРИСЕ РЕЙСНЕР И ГУМИЛЕВЕ

... Все острие ее гнева и разоблачительного пафоса было направлено против интеллигенции. Бердяев напрасно думает, что интеллигенцию уничтожил народ, ради которого она когда-то пошла по жертвенному пути. Интеллигенция сама уничтожила себя, выжигая в себе, как Лариса, все, что не совмещалось с культом силы...

... ей казалось, что, будь она в те дни в Москве, она сумела бы вовремя дать добрый совет и остановить казнь. При встрече с нами она все время возвращалась к этой теме, и мы присутствовали при зарождении легенды о телеграмме Ленина с приказом не приводить приговор в исполнение. В тот вечер Лариса поднесла нам эту легенду в следующем виде: мать Ларисы, узнав о том, что собираются сделать в Ленинграде, отправилась в Кремль и уговорила Ленина дать телеграмму. Сейчас роль информатора приписывают Горькому — он, мол, снесся с Лениным... И то и другое не соответствует действительности. В отсутствие Ларисы мы несколько раз заходили к ее родителям, и мать при нас сокрушалась, что не придала значения аресту Гумилева и не попробовала обратиться к Ленину — может бы что вышло... Что же касается Горького, то к нему действительно обращались... К нему ходил Оцуп. Горький активно не любил Гумилева, но хлопотать взял-

*) В момент выпуска настоящего номера, русское издание вышло из печати: Н. Я. Мандельштам. Воспоминания. Нью-Йорк, Издат. им. Чехова, 1970, 429 + 3 стр.

ся... Своего обещания он не выполнил: приговор вынесли неожиданно быстро и тут же объявили о его исполнении, а Горький еще даже не раскачался что-либо сделать... Когда до нас стали доходить трогательные истории о телеграмме, О. М. не раз вспоминал о зарождении этой легенды в комнате у Ларисы: до ее приезда подобных слухов не циркулировало, и все знали, что Ленину не было никакого дела до поэта, о котором он никогда не слышал. Но почему в нашей стране, где пролито столько крови, именно эта легенда оказалась такой живучей? Мне все время встречаются люди, которые клянутся, что эта телеграмма была даже напечатана в таком-то томе сочинений и лежит целехонько в архиве...

О МАНДЕЛЬШТАМЕ И ПАСТЕРНАКЕ

Н. Я. Мандельштам рассказывает об одном разговоре с А. А. Фадеевым, которому она принесла для «Красной Нови» стихотворение О. М. «На полицейской бумаге верже...» (1930) и который отклонил его:

«Почему [в слове] «раппортички» два п?» спросил Фадеев и тут же догадался, что от слова «РАПП. И, покачав головой, он вернул мне стихи со словами: «С Пастернаком нам гораздо легче — у него природа». Но дело шло, конечно, не только о тематике стихов и даже не о самих стихах, а о том, что у Пастернака были все-таки какие-то точки соприкосновения с бытовой и традиционной литературой, а через нее со всеми РАППами, а у Мандельштама не было. Пастернак хотел дружбы, Мандельштам от нее отказывался. Не стоит задаваться вопросом, кто из них прав. Это сложная постановка вопроса. Но замечательно то, что оба в конце жизни совершили поступки, противоположные всей их жизненной установке: Пастернак, написав и издав роман, пошел на открытый разрыв, а Мандельштам уже готов был на сближение, но, как оказалось, слишком поздно. В сущности, у Мандельштама это была попытка к спасению в тот момент, когда веревка уже накинута на шею, но все же она была. В несколько ином положении находилась Ахматова. На нее действовали, держа Леву у себя в качестве заложника. Если бы не это, т. н. «положительные стихи» никогда бы не появились на свет Божий...

В одном Пастернак оказался последовательным на протяжении всей жизни — в своем отношении к интеллигенции или, вернее, к тем интеллигентам, из жизни которых после революции ушло благообразие и чей мирный быт был нарушен. Пастернак, в сущности, проходит мимо всех внутренних вопросов, происходивших у интеллигенции, как целого: преподаватели университета просто скучные люди с плоскими мыслями, не достойные дружбы Живаго. Разбит же быт семьи Живаго, и вина за это автор возлагает на взбунтовавшийся народ. Между интеллигентом и народом Пастернак хотел воздвигнуть защитную стену государства. Кто такой этот таинственный младший брат Живаго, человек аристократического вида с киргизскими глазами, который всегда появляется как добрый гений с пайками, деньгами, добрыми советами, «покровительством» и помощью? «Загадка его могущества оставалась неразъясненной», — говорил Пастернак. Между тем его связь с победителями и государством ясна на протяжении всего романа, а та помощь, которую он оказывает брату, явно принадлежит к числу «государственных чудес», для которых нужны телефоны, приводные ремни и созданные по совету Горького комиссии по улучшению быта ученых. Он занимает настолько крупное положение, что обещал брату отправить его за границу или выписать в Москву из Парижа высланную туда семью. Пастернак прекрасно знал, кому из правителей такое было по силам в начале тридцатых годов. Если бы Живаго не умер, он бы получил через брата «талон на место у колонн». Эта ставка на государство с его чудесами совершенно чужда Мандельштаму. Он

рано понял, что несет людям государство нового типа, и не надеялся на его покровительство. И он верил, что «народ, как судия, судит», а также сказал: ««восходишь ты в глухие годы, о солнце, судия, народ». Эту веру разделяю и я, и я знаю, что народ произносит свой суд, даже когда безмолвствует.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ И СОВЕТСКИЙ РЕЖИМ

У него [О. М.] была ненасытная жажда общения с равными, и с каждым годом удовлетворить ее становилось все труднее. В нашем обществе шел процесс интеллектуальной мимикрии: все мысли и головы принимали защитную окраску...

Одиночество — это не отсутствие друзей и приятелей — их всегда в досталь — а жизнь в обществе, которое не слышит предостережений и продолжает идти с закрытыми глазами по страшному братоубийственному пути, увлекая за собой всех и каждого. О. М. не случайно назвал Анну Андреевну Кассандрой. В этом положении были не только поэты. Люди старшего, чем мы, поколения видели, что двигается, но их голоса потерялись и замерли. Еще до победы «нового» они успели сказать об этике, идеологии, нетерпимости и об искаженных представлениях о праве. Голос вопиющего в пустыне... И с каждым днем становилось яснее, что говорить с отрубленным языком становится все труднее.

О СТИХАХ О. М. О СТАЛИНЕ

(«Мы живем, под собою не чуя страны...»)

Кое-кто спрашивает меня, каким образом уже в 34 году О. М. все понял — нет ли ошибки в датировке? Это люди, принявшие официальную версию: все хорошо шло до ежовщины, а в сущности и ежовщина не так плоха, а просто к старости, уже после войны, старик обезумел и надеялся бед... Впрочем, эта версия уже отжила срок, и правда постепенно просачивается. Но мы продолжаем идеализировать двадцатые годы, а к ним прихватываем еще и кусочек тридцатых. И это упорно у нас бытует. Старые поколения вымирают, не успев ничего сказать. Нынешние старики, даже побывавшие в лагерях, по-прежнему твердят о своей цветущей молодости, которая оборвалась только с их арестом. Что будут делать наши внуки, если все мы молча уйдем?

Среди современников я зарегистрировала три обособленных мнения о стихах о Сталине. Кузин считал, что О. М. не имел права их писать, потому что он в общем положительно относился к революции. Он обвинял О. М. в непоследовательности: принял революцию, так получай своего вождя и не жалуйся... В том есть своя дубовая логика. Но я не понимаю, как Кузин, любивший и наизусть знавший прозу и стихи (на старости он об этом забыл и даже написал Морозову, что никогда «Путешествия в Армению» не читал) не заметил раздвоенности и вечных метаний О. М. Очевидно, люди с трудом понимают замаскированные или даже слегка прикрытые высказывания. Им нужно, чтобы все было прямо в лоб. Иногда мне кажется, что О. М. пошел на такое «лобовое» высказывание, потому что устал от глухоты своих слушателей, которые твердили: Какие прекрасные стихи, но при чем здесь политика? Почему их не печатают?

Эренбург не признавал стихов о Сталине. Он называл их стишками к ужасу милой и вежливой Любы, которая не знает, что другого слова для стихов у нас вообще не существовало. «Послушай стишок, — говорил мне О. М., — как он? Ничего? Илья Григорьевич справедливо считает их одноплановыми и лобовыми...»

... Каково бы ни было качество этих стихов, можно ли их считать случайными для поэта, если они принесли ему

страшную гибель? Стихи эти были актом, поступком; с моей точки зрения, они логически вытекают из всей жизни и работы О. М. Столь же несомненно, что в них есть элемент своеобразного приспособленчества: поэт, никогда не делавший шага навстречу читателю, совершенно не заботившийся, чтобы быть понятным, считавший каждого слушателя стихов равным себе и потому не разжевывавший свои мысли и не упрощавший их, именно эти стихи сделал общедоступными, прямыми, легкими для восприятия. С другой стороны, он позаботился о том, чтобы они не могли служить примитивным средством политической пропаганды — об этом он даже сказал мне: «Это не мое дело...» Иначе говоря, он написал эти стихи в расчете на более широкий, чем обычно, круг читателей, хотя знал, что в момент написания читателей у него быть не могло. Думаю, что он не хотел уйти из жизни, не оставив недвусмысленного высказывания о том, что происходило на наших глазах.

Враждебно относился к этим стихам и Пастернак. Он обрушился на меня — О. М. был уже в Воронеже — с целым градом упреков. Из них я запомнила: «Как мог он написать эти стихи — ведь он еврей?!». Этот ход мысли и сейчас мне непонятен, а тогда я предложила Пастернаку еще раз прочесть ему это стихотворение, чтобы он конкретно показал мне, что в них противопоставлено еврею, но он с ужасом отказался.

О «МАССОВОЙ КАПИТУЛЯЦИИ» ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Крик «за что боролись» раздался в самом начале двадцатых годов и сразу умолк. Народ еще не безмолвствовал, а молчал, готовясь жить и благоденствовать. Интеллигенция же на досуге занялась переоценкой ценностей — это был период массовой капитуляции. По существу они шли по пути, проложенному ниспровергателями дореволюционного периода и их продолжателями типа Авербаха, но, разумеется, старались избежать крайностей и грубой прямоты передовиков. Во главе движения капитулянтов были тридцатилетние, успевшие побывать на войне. Они вели за собой младших. Вообще в те годы действовали люди тридцати—сорока лет. Старшие, если они уцелели, молча отходили в сторону. В основе каждой капитуляции лежала предпосылка, что на смену «старому» пришло «новое», а тот, кто держится за «старое», останется на бобах. Это воззрение было подготовлено теорией прогресса, а также историческим детерминизмом новой религии. Капитулянты расшатывали все старые представления хотя бы потому, что они старые и, следовательно отслужили свой срок. Для огромного числа неопитов никаких ценностей, истин и законов больше не существовало, кроме тех, которые нужны были сейчас и назывались для удобства классовыми. Христианская мораль отождествлялась с буржуазной, а вместе с ней древняя заповедь «не убий». Все казалось фикцией. Свобода? А где вы ее видели?.. Никакой свободы нет и не бывало... Искусство, а тем более литература только и делали, что выполняли заказ своего класса; из этого прямой вывод: писателю следует с полным сознанием и пониманием дела перейти к новому заказчику... Из обихода исчезло множество слов: честь, совесть и тому подобное... Развенчать эти понятия не так уж трудно, когда открыт рецепт развенчивания.

Характерно, что всяким понятием в те годы орудовали в его чистом, то есть абсолютно абстрактном виде, без малейшего учета его социальной, человеческой и земной природы. В таком виде они легко поддавались низложению: ничего нет проще, чем доказать, например, что нигде в мире нет абсолютной свободы печати, а затем заверить, что вместо суррогатов, которыми тешатся жалкие либералы, лучше с мужественной прямоотой отказаться от всяких потуг на свободу. Эти схемы казались убедительными, потому что незрелые умы не досрочно ни до ограничительных понятий, ни до отрицательных определений.

Психологически всех толкал на капитуляцию страх остаться в одиночестве и в стороне от общего движения, да еще потребность в т. н. целостном и органическом мировоззрении, приложимом ко всем сторонам жизни, а также вера в прочность победы и в вечность победителей. Но самое главное это то, что у самих капитулянтов ничего за душой не было. Эту поразительную пустоту лучше всех, пожалуй, выразил Шкловский в «Zoo», злосчастной книжке, где он словно просит победителей взять его под опеку. Сами они себя, что ли, обокрали, или это война и окопы вызвали такую горестную реакцию, но чувство несвершенности и потребность в опеке ощущались с огромной силой. Только тот, кто разделял эти чувства с другими, мог быть признан современным человеком.

«В вопросах литературы они должны спрашивать у нас, а не мы у них», — сказал О. М. в редакции «Прибоя», отказываясь подписаться под коллективной писательской петицией, потому что она основывалась на постановлении ЦК о литературе. Речь шла о защите какого-то критика от нападков РАПП'а — его обвиняли в том, что он написал рецензию на роман Ляшко, не дочитав его до конца. Писатели писали наверх, прося ЦК распорядиться о прекращении травли. Они ссылались на постановление, предлагающее положить конец литературной борьбе — «распрям», как это тогда называлось, — и дружно приняться за труд, чтобы объединенными усилиями отлично выполнить партийный заказ.

ОБ «ИДИЛЛИЧЕСКИХ» 20-х ГОДАХ

... все, чье тридцатилетие выпало на двадцатые годы, еще и сейчас призывают вернуться в ту эпоху и снова, уже «не допуская никаких искажений», пойти открывшейся им оттуда дорогой. Иначе говоря, они не признавали себя ответственными за то, что произошло после. Но так ли это? Ведь именно люди двадцатых годов разрушили ценности и нашли формулы, без которых не обойтись и сейчас: молодое государство, невиданный опыт, лес рубят — щепки летят... Каждая казнь оправдывалась тем, что строят мир, где больше не будет насилия, и все жертвы хороши... Никто не заметил, что цель стала оправдывать средства, а потом, как и полагается в таких случаях, постепенно растаяла. И именно люди двадцатых годов начали аккуратно отделять овец от козлищ, своих от чужих, сторонников «нового» от тех, кто еще не забыл своих примитивных правил общежития...

Победители могли бы удивиться легкости одержанной победы, но они приняли ее как должное, потому что верили в свою правоту: ведь они несли счастье людям... Только требования к капитулянтам постепенно увеличивались. Об этом свидетельствует быстрое исчезновение слова «путчик». Оно сменилось словом «беспартийный большевик», а потом его сменил «верный сын родины, который пламенно любит народ и беззаветно служит партии и правительству». На этом произошла стабилизация.

Память людей устроена так, что хранит смутный очерк и легенду, а не самое событие. Чтобы извлечь факты, надо жестоко расправиться с легендой, а для этого прежде всего определить, в каких кругах она зародилась. Идиллические вздохи о двадцатых годах — результат легенды, созданной тридцатилетними капитулянтами, которые случайно сохранили жизнь, и их младшими братьями. А на самом деле двадцатые годы — это период, когда были сделаны все заготовки для нашего будущего: казуистическая диалектика, развенчивание ценностей, воля к единомыслию и подчинению. Самые сильные из развенчивателей сложили головы, но до этого они успели взрыхлить почву для будущего. В двадцатые годы наши карательные органы еще набирались сил, но они уже действовали. Тридцатилетние настойчиво проповедовали свою веру. Уговаривая, а потом страдая, они повели за собой толпы в следующую эпоху, где отдельных голосов уже не было слышно.

О ПИСЬМЕ СТАЛИНА В «БОЛШЕВИКЕ»

Полный порядок в надстройке был наведен в тридцатом году, когда в «Большевике» появилось письмо Сталина, призывавшее не печатать ничего, что бы отклонялось от государственной точки зрения. Этим, в сущности, цензура лишалась всякого значения. Цензура, которую столько проклинали, является на самом деле признаком относительной свободы печати — она запрещает печатать антигосударственные вещи. Даже будучи душой, как ей полагается, она все-таки не может уничтожить литературу. Сталинский редакторский аппарат действовал гораздо более целесообразно: он выбрасывал все, что не отвечало прямому государственному заказу. В редакции ЗКП, где я работала в момент появления сталинской статьи, начался лихорадочный пересмотр рукописей — мы крошили и резали груды материалов. Это называлось «перестраиваться в свете указаний товарища Сталина». Я притащила номер «Большевика» со сталинским письмом и показала его О. М. Он прочел и сказал: «Опять 'не треба', но на этот раз окончательно». Он был прав. Это письмо означало переломный момент в строительстве надстройки. Его и сейчас не забыли хранители сталинских традиций, которые защищают советскую печать от мандельштамов, заболоцких, ахматовых, пастернаков и цветаевых. Довод «не треба» не перестает жужжать в наших ушах и по сей день.

О ТЕРРОРЕ

В детстве, читая про французскую революцию, я часто задавалась вопросом, можно ли уцелеть при терроре. Теперь я твердо знаю, что нельзя. Кто дышал этим воздухом, тот погиб, даже если случайно сохранил жизнь. Мертвые есть мертвые, но все остальные — палачи, идеологи, пособники, восхвалители, закрывавшие глаза и умывавшие руки, и даже те, кто по ночам скрежетал зубами — все они тоже жертвы террора. Каждый слой населения, в зависимости от того, как на него был направлен удар, переболел своей формой страшной болезни, называемой террором, до сих пор еще не поправился, еще болен, еще не годен для нормальной гражданской жизни. Болезнь передается по наследству, сыновья расплачиваются за отцов, и только, пожалуй, внуки начинают выздоравливать, или, вернее, болезнь принимает у них другую форму...

Какой негодяй посмел сказать, что у нас не было потерянного поколения? Он сказал неслыханную ложь и это тоже результат террора. Ведь у нас гибло одно поколение за другим, но процесс этот совершенно не похож на то, что было на Западе. [...] Среди моего поколения только единицы сохранили светлую голову и память. В поколении О. М. всех поразил ранний склероз...

«Сталину не нужно рубить головы, — говорил О. М. — они сами слетают, как одуванчики». Кажется, он сказал это в первый раз, прочтя статью Коссиора и узнав, что, несмотря на все статьи, он тоже арестован...

«К ПРОШЛОМУ НЕТ ВОЗВРАТА»

О. М. приучил меня верить, что история есть проверка в действии и на опыте путей добра и зла. Мы поверили в пути зла. Захотим ли мы на них возвращаться? Не крепнут ли среди нас голоса, говорящие о совести и добре? Мне кажется, что мы стоим на пороге новых дней. Я ловлю симптомы нового мироощущения. Их мало. Они почти незаметны. Но все же они есть. К несчастью мою веру и мой оптимизм не разделяет почти никто. Люди, отличающие добро от зла, ждут скорее нового рецидива бед и злодеяний. Я понимаю возможность рецидива, но общий путь

представляется мне ясным. Кто из нас прав? Жизнь покажет, а может, уж кое-что и показала.

Я должна, конечно, оговориться: никакого особого триумфа добра я, разумеется, не жду. Речь идет совсем о другом — меня интересуют ведущие идеи, а не крокодиловы слезы будущих жандармов. Не в них дело. Мы были свидетелями того, как восторжествовала воля к злу после того, как ценности гуманизма подверглись поношению и были растоптаны в прах. Причина, вероятно, кроется в том, что они, то есть ценности, не были обоснованы ничем, кроме восторга перед человеческим интеллектом. Думаю, что сейчас они должны получить лучшее обоснование, хотя бы потому, что мы невольно пересматриваем наш опыт и видим ошибки и преступления прошлого. Сейчас соблазны прошлого отгорели: Россия некогда спасла европейскую христианскую культуру от татар, сейчас она спасла ее от рационализма и его следствия — воли к злу. И это стоило ей больших жертв. Могу ли я поверить, что они были бесполезны? ..

Мы разговариваем сейчас о множестве вещей, которые раньше были под полным запретом и большинство людей моего круга не смели, не хотели и отвыкли думать о них. Мало того, мы сейчас не желаем знать, запретны ли еще какие-нибудь темы. Мы с этим не считаемся. Мы об этом забыли. [...] К прошлому нет возврата. Поколения сменились, и новые далеко не так запуганы и покорны, как прежние. А главное — их нельзя убедить, что их отцы поступали правильно, они не верят, что — «все позволено»...

ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ

Насчет юдофобства я могу по своему опыту сказать, что в народе его нет. Оно всегда идет сверху. Я никогда не скрывала, что я еврейка, а во всех этих семьях — рабочих, колхозников, мельчайших служащих — ко мне относились, как к родной, и я не слышала ничего похожего на то, чем запахло в высших учебных заведениях в послевоенный период, а, кстати, пахнет и сейчас. Самое страшное это — полубразование, а в полубразованной среде всегда найдется почва для фашизации, для низких форм национализма, для ненависти ко всякой интеллигенции. Антиинтеллигентские настроения страшнее и шире, чем примитивное юдофобство, а они все время дают себя знать во всех переполненных людьми учреждениях, где люди так яростно отстаивают свое право на невежество. Мы давали им сталинское образование, и они получили сталинские дипломы. Естественно, что они держатся за те привилегии, которые дает диплом. Иначе им некуда будет деться.

О СОЛЖЕНИЦЫНЕ

Повесть Солженицына [«Один день Ивана Денисовича»] — как оселок: по реакции каждого читателя можно судить о его прошлом и о прошлом его семьи. Прошлое еще не изжито и не осмыслено. Слишком много народу принимало в нем участие, прямое или косвенное, или, по крайней мере, молчало о том, что знали, чтобы теперь осмелиться прямо взглянуть ему в глаза...

Основное свойство русской истории, непреходящее, постоянное, что богатырю и небогатырю всякая дорога грозит гибелью, из которой он может лишь случайно вывернуться. Я удивляюсь не этому, а тому, что кое-кто из слабых людей действительно оказался богатырем и сохранил не только жизнь, но и светлый ум и память. Таких людей я знаю и рада бы перечислить их имена, но еще не стбит, и только упомяну того, кого мы все уже знаем — Солженицына...

ИРИНА БУШМАН

Душу не угашайте

1970 год — год высокого торжества для русской литературы: Нобелевская премия за этот год присуждена Александру Исаевичу Солженицыну.

Быстрота, с которой Солженицын прошел путь от неизвестного, впервые публикуемого автора до писателя с мировой славой, острота его тематики и нездоровая шумиха, поднятая вокруг его имени, в первую очередь недругами, но отчасти и поклонниками его таланта, слишком односторонне освещающими его творчество — все это привело к созданию некоего псевдоореола «писателя политической темы». Это упрощенное понимание ни в коей мере не соответствует истине и не определяет места Солженицына в русской литературе.

Александр Солженицын известен как мастер в области всех видов повествовательной прозы, а также драматургии.

Солженицын вытащил из-под спуда, отряхнул от пыли и как бы живой водой обрызгал испошленный в послетургеневские времена жанр стихотворения в прозе. Его «Крохотные рассказы» тщательно отточены — так оттачивали в годы нашего детства деревенские токари крошечные деревянные бирюльки. Яркий маленький круг света — освещает на мгновение какой-то один, казалось бы незначительный предмет. Картинка? Сценка? Или все же басня? Не с эзоповской прямоотой — аллегорией в лоб, а мягко, подводным течением великого смысла под маленьким фактом...

Трудно представить себе возможность большего контраста в творчестве одного писателя, чем контраст между «Крохотными рассказами» и впервые прославившей Солженицына повестью «Один день Ивана Денисовича». Написанная широкими мазками, часто вмещающая в одно предложение не только целую характеристику, а и целую человеческую судьбу, почти перегруженная — но какое же в этом «почти» нечеловеческое чувство меры! — диалектизмом и словами лагерного жаргона, эта историческая эпопея неполных суток как за ограду из колючей проволоки выхлестывается за рамки повести и каждым словом обещает, что ее автор не может не написать романа с дантовским названием.

Между этими противоположными подходом к теме и литературными приемами связующими звеньями расположены рассказы Солженицына. Из них «Захар-Калита», этот отрывок летописи XX-го века, ближе всего к «крохотным рассказам», представляя собой как бы увеличенное стихотворение в прозе, в то время как «Для пользы дела» приближается к «Ивану Денисовичу».

Русская литература изобилует прекрасными рассказами. После Тургенева, Толстого, Чехова, Лескова и Горького нелегко найти собственный стиль в этом жанре.

Солженицын сочетает приемы медлительного и динамичного повествования, чем держит читателя в постоянном напряжении от первого до последнего слова рассказа, о чем ни шла бы речь. Его шедевр — «Матренин двор» достоин называться одним из лучших рассказов, написанных на русском языке за все время существования русской литературы. Рассказ «Правая кисть» интересен еще и тем, что также является предвестником «Ракового кор-

пуса», как «Иван Денисович» предвестником «В круге первом».

Солженицын-драматург известен нам по двум пьесам. «Олень и шалашовка» — драматическая параллель к повести «Один день Ивана Денисовича» — создана целиком из виденного и пережитого автором. Жизненная правда не умещается ни в пространственной рамке — на сцене, ни во временной рамке действия, врывается в антракт сменной часовых, оккупирует зрительный зал лагерными фонарями. Эти приемы не дань моде, не мертвая символика — это стремление разбудить в зрителе ощущение причастности к судьбе героев, даже ответственности за их судьбу.

«Свеча на ветру» умышленно-абстрактна, ее действие развивается в неизвестной стране, в неназванную эпоху (очевидно, в недалеком будущем), ее персонажи носят интернациональные или фантастические имена и, по сравнению с героями лагерной пьесы, живут в обстановке полного благополучия. И все же фактически обе пьесы имеют общую тему: взаимосвязанность, неразрывность гибели любви в человеческой душе с гибелью самой человеческой личности. Невежество угнетенной массы и узкая ограниченность избалованной элиты могут быть одинаково страшными врагами неповторимой личности. Если страх за жизнь или перед жизнью оказывается сильнее любви, то человеческое «я» погибает. Слова «Душу не угашайте» могли бы служить эпиграфом к любой из внешне столь различных пьес.

Если пьесы Солженицына исследуют ядро человеческой личности, то его романы нащупывают ее границы. Романы Солженицына столь же различны и взаимосвязаны, как его пьесы. «Раковый корпус» проследивает границу человеческой личности во времени, человеческое «я» конфронтируется в нем со смертью. Как бы ни представлялась она отдельным героям — переходом ли в вечность, уходом ли в небытие — перед этим последним страшным (выпускным или вступительным?) экзаменом происходит мобилизация духовных сил: молчальник успевает возвыситься до мудрости, низкий успевает впервые почувствовать в себе человека, но горе тому, кто не холоден и не горяч — на его долю остается только страх.

Проблема романа «В круге первом» — это границы личности в обществе. Человеческое «я» конфронтируется в нем с окружением. Как устоять под давлением, не раствориться в безликой массе? Как, защищаясь, не покрыться непроницаемой капсулой, не сделаться чужеродным телом в общественном организме? Как стать и остаться той неповторимой единицей, из которой строится народ, человечество? На эти вопросы Солженицын дает не один общий рецепт, а многообразные ответы. Содержание определяет разницу формы обоих романов — «Раковому корпусу» нужна романтическая набросковость, «В круге первом» — классическая стройность.

Язык Солженицына обращает на себя внимание своей исконной русскостью. Он как бы минует все не только позднейшие западноевропейские, но и ранние братско-славянские влияния. Не только и даже не столько по словарю, как в первую очередь синтаксически он ближе к летописи или к «Слову о полку Игореве», чем к романистам XIX века. В обращении со словарным запасом Солженицыну свойственна хозяйская хватка. Диапазон его лекси-

ки колоссален, и при этом для каждого слова безошибочно найдено правильное место. Огонь стиля Солженицына питается не только сухими ветками, но и кизяком — он не только чист — он всеочищающ. Какое бы грубое, ругательное, даже непечатное слово ни применил Солженицын, оно оказывается на данном месте не просто нужным, а единственно-верным, возвышается до степени художественного средства.

Как значительного русского романиста Солженицына часто сравнивают то с Толстым, то с Достоевским. Такие сравнения вполне закономерны, пока речь идет о философском содержании его произведений. Но стиль Солженицына принципиально отличен от обоих великих «только-прозаиков». Отличен он и от стиля тех писателей, которые, являясь одновременно и поэтами и прозаиками, заботливо держали прозу и поэзию «в разных ящиках» (как Пушкин или Лермонтов). Зато есть не назойливое сходство, а близкое родство между прозой Солженицына и Гоголя, родство без подражания или даже так называемого «преодоленного влияния». Гоголь пробовал писать поэзию и, не удовлетворив собственными требованиями, бросил, и как бы за счет этого добровольного отказа стихия поэзии насквозь пронизала его прозу, наполнила ее упругим ритмом. Солженицын тоже писал (а может быть еще и пишет) стихи, но никогда не отзывается о них с той отеческой гордостью, с которой он говорит о своих прозаических произведениях. Зато рассказы Солженицына по совершенству построения могут соперничать с сонетом или балладой, а в некоторых его произведениях, как напр. в повести «Один день Ивана Денисовича», проза настолько ритмична, что у же не один критик по праву назвал эту повесть поэмой.

В чем основная ценность Солженицына философа? В том ли что он антипод Ницше, «сверхчеловек» которого становится надменным нищим рядом с богатой и скромной человеческой личностью, которую Солженицын не возвеличивает искусственно, а просто выводит нам навстречу — «се человек»? В том ли, что Солженицын начал процесс, в первой половине нашего столетия считавшийся еще немислимым — синтез мировоззрений Толстого и Достоевского?

Все это значительные свершения в области мысли, но ценность Солженицына мыслителя выше. В философии Солженицына центральное место занимают проблемы этики. Он решительный противник насилия в какой бы то ни было форме, в том числе и насилия как временного средства «в добрых целях». Он в такой же степени противник подчинения злой воле и безропотного послушания перед грубой силой. Он проповедник терпения, но не в форме мягкой податливости, бесхарактерности. Терпение в его представлении упруго и заключается в постоянстве в несовершении зла и в упорстве в делании добра. Духовное родство трагически возвышенной над оптимизмом и пессимизмом философии Солженицына с философией Марка Аврелия может послужить темой большой философской статьи. Основное достоинство этики Солженицына, главная ее ценность — в том, что она не абстрактное построение, но и не навязываемая другим система, а норма жизни самого Солженицына. После векового аморального отделения в этой области теории и практики, после отчаянных и неудачных попыток соответствовать своей жи-

знию своим же теориям, у таких значительных людей, как Киркегор или Лев Толстой, Солженицын не просто проповедует, а действительно проводит в жизнь свою этику, так как до него это практиковали разве что только стойки.

На первом съезде советских писателей Горький на вопрос, каким он представляет себе стиль советской литературы будущего, ответил: «Это будет какой-нибудь социалистический реализм». Крылатое словцо полюбилось Сталину и сделалось знаменем, под которым разгромили блестящий русский экспрессионизм, и основным заданием новорожденного Союза Писателей. Задание вскоре было прокламировано выполненным, и соцреализм начал вести двойную жизнь: на страницах школьных и вузовских учебников литературы он служил бессодержательным, а потому весьма растяжимым термином, а в писательской среде порождал нудные споры о положительном герое, обычно заканчивавшиеся разгромом какого-нибудь таланта. Вполне естественно, что с годами название стало пустой шелухой, и вопрос о его содержании со стороны иностранных коллег вызывал смущенные, а то и иронические улыбки даже у самых благонамеренных советских писателей.

Солженицын не вмешивался в полемику о соцреализме и положительном герое, но, говоря о современном романе, однажды выразил мысль, что классическая форма романа с главными и второстепенными героями отходит в прошлое и что роман, соответствующий нашей эпохе, должен иметь «полифонического героя». В творчестве Солженицына теория и практика находятся в строгом соответствии, и романы самого Солженицына обладают именно «полифоническим героем» — каждое действующее лицо на некоторое время выступает на передний план, становится центром внимания читателя, а героем всего романа фактически является не один человек, а коллектив, объединенный общей судьбой и состоящий не из «человекоединиц», а из неповторимых личностей. Иными словами, если вообще можно и нужно очистить понятие «социалистический реализм» и наполнить до сих пор пустую форму соответствующим содержанием, то Солженицын единственный писатель, способный справиться с этой задачей.

Присуждение Солженицыну Нобелевской премии должно было бы положить конец упрощенному истолкованию его творчества как «политической литературы». В рядах лауреатов Нобелевской премии мы встречаем писателей с правыми и левыми политическими убеждениями, с идеалистическим и материалистическим мировоззрением, с оптимистическими и пессимистическими настроениями. Но всегда это были таланты такого масштаба, что тему их творчества невозможно ограничить какой-нибудь одной областью (хотя бы и такой важной как политика), так как их темой являлась жизнь в целом. Об этом достаточно ясно свидетельствует один список русских лауреатов Нобелевской премии. Только благодаря промедлению не открывшийся именем Льва Толстого этот список включает в себя дворянина-эмигранта Бунина, опального на родине еврея Пастернака и обласканного сталинскими премиями Шолохова. Отсюда ясно, что для Нобелевского комитета критерием служат литературное совершенство произведения или всего творчества писателя и наличие в этом творчестве высоких гуманных ценностей. Вполне естественно, что в этом году выбор комитета пал именно на Солженицына.

ВЛАДИМИР ИЛЬИН

Балада о камергере Деларю¹

Все знают эту восхитительную и остроумнейшую балладу, вошедшую в состав стихотворений, принадлежащих перу бессмертного Козьмы Пруткова, но на деле написанную гр. Алексеем Константиновичем Толстым (старшим). Ее цитирует, в порядке полемики с гр. Л. Н. Толстым, Владимир Соловьев (в «Трех разговорах»). Начинается она так:

Вонзил кинжал убийца нечестивый
В грудь Деларю,
А тот, раскланявшись, сказал учтиво —
Благодарю!²

Как сама баллада, так и цитирующий ее автор «Оправдания добра» в ней полемизирует с идеей «непротивления злу насилием», идеей, очень распространенной в ту эпоху (в конце XIX в.). Немного позже этой теме, в серьезном и печальном стиле, посвятил один из своих рассказов А. П. Чехов под заглавием «Рассказ старшего садовника». У этого же писателя кое-где еще проскальзывают — прямо или косвенно — варианты этой темы. Тема, повторяем, была модная, и лучшие художественные и мыслительские силы отдали в свое время ей дань. И не удивительно. Тема эта жгучая, она связана с темой войны и мира (война с Турцией 1877—1878 гг.), не говоря уже о ее евангельском происхождении — несомненно евангельском в том смысле и в той форме, в которой ее все мы знаем. А между тем тогда, как и в наши дни, ею пользуются люди, сплошь и рядом к религии и к Евангелию не только глубоко равнодушные, но и просто враждебные, да и притом с целями, лицемерно либеральными, т. е. скрыто или явно идущими на пользу «князя века сего», его замыслам в мире и его пособникам. Но не только это. Дело в том, что даже в самом Евангелии она, эта ужасающая по своей трудности и по своей соблазнительности тема, подана так, что кое-кого — и не в малом числе — отталкивает от Евангелия, особенно из тех, для кого зрелище торжествующего зла и страждущей от зла и злодеев невинности просто невыносимо, особенно при наличии той точки зрения, которая готова видеть в Евангелии и христианстве только возвышенную моральную доктрину, метафизики же и историософии (что здесь очень связано) или вовсе не замечают, или же не хотят замечать, ибо далеко немало тех, кто от метафизики отталкивается, ее не любит, не знает и знать не хочет, тай в душе, скрыто или открыто, враждебные чувства ко всякой философии, а тем более к философии метафизической.

Но самое тягостное и соблазнительное здесь то, что немалое число людей эта тема, особенно в ее евангельской постановке, отталкивает от самого Евангелия. Сюда относятся поклонники правового строя и сильной государственной власти, поддерживающей этот строй. Большинство их — люди высокой культуры. Они не могут себе представить ни теоретически, ни в реальном осуществлении культуру вне принудительно осуществляемого властями правопорядка, готовы объяснять и оправдывать гонения древнего Рима на христианство тем, что оно, по их мнению, подрывало той или иной стороной своей проповеди правопорядок, открывая широкие возможности для этого подрыва как для «подонков» изнутри, так и для внешних врагов — варваров — извне. Не говорим уже здесь о том, что и внешних врагов греко-римская национально-государственная идея готова была тоже считать «подонками». Слово «варвар», первоначально означавшее всякого иноземца не греко-римского происхождения, звучало унизительно, так же, как и «метек». Это в значительной степени остается в силе и в наше время. И напрасно было бы таким людям указывать на 13 гл. «Послания св. ап. Павла к римлянам»,

главу, явно оправдывающую государственный меч правопорядка (*gladius legiscustos*) с прибавлением того, что в синоптических Евангелиях, так же, как и в Евангелии от Иоанна, нельзя найти ни малейшего намека на проповедь анархии и революции. Наоборот, гораздо легче найти там тексты противоположного характера.

Не приходится говорить о том, что Царство Божие, проповедуемое христианством, говорит о Царстве не от мира сего, завоевываемом не мечом, но силой в внутреннего подвига. И если я, подобно преп. Серафиму Саровскому, скрепящую руки перед нападающими на меня головорезами-убийцами и как жертвенный агнец отдаю их убийственной палаческой злой воле, то это в силу моего личного подвига. Я не только здесь не принуждаю других поступать так, но, напротив, готов отрицать такого рода принуждение, и притом, повторяем, оставляю такое «принуждение» за своим внутренним подвигом и внутренним волевым усилием, или же за преобладающей силой любви к врагам. Последнее отнюдь не означает моего признания «права» за врагами на злодейство и, тем более, признания такого злодейства «добром», как это мы видим, например, у революционеров-тоталитаристов с их военно-политической организацией, противоположной тому, что говорит ап. Павел в 13 главе «Послания к римлянам». У тоталитаристов начальник носит меч напрасно — на устрашение добрых и в поощрение злым. Да и сам такой «начальник» собственно даже не может быть назван начальником. Он в такой же степени «начальник», как начальником может быть назван «капешной шайки атаман» или возглавитель подпольной террористической организации.

Однако с текстом «не противься злу» дело обстоит не так просто, как думают некоторые, особенно те, кто стремится использовать этот текст односторонне, в свою пользу или в пользу своих, т. е. злодеев, которым данный субъект сочувствует, но по тем или иным соображениям сам не занимается практикой злодеяний. Это, например, случилось с теми «либералами» (особенно в России среди радикальной интеллигенции), которые сами почему-либо «мокрыми делами» не занимались, но зато морально — и письменно и устно — всячески поощряли занимающихся и всячески их выгораживали, не упуская случая защитить убийц и от имени Евангелия, в которое они не верили, над которым кощунствовали, но которым они не прочь были «попользоваться», хотя бы с партийными целями. Как в России, так и вне ее пределов это приходилось и теперь приходится наблюдать буквально на каждом шагу.

Так как Россия, во всяком случае «Россия до Урала», составляет огромную часть Европы, то нижеследующие слова В. В. Розанова в «Уединенном» хотя и стимулированы установками русской революционно-социалистической и анархической интеллигенции, но должны быть распространены на всю Европу, на весь Запад и, даже, на весь мир — особенно в наше время:

«Механизм гибели европейской цивилизации будет состоять в параличе воли против всякого зла, всякого негодяйства...»

Несмотря на кажущееся внешнее сходство с знаменитым евангельским текстом, по существу точка зрения евангельски-христианская и интеллигентски-радикальная расходятся до полного между ними разрыва и совершенного противостояния. Действительно, христианство озобочено спасением души каждого личного человеческого существа, каких бы жертв, неудобств и тягостей эта забота за собой ни влекла. В этом смысле никаких привилегий христианство не знает и никаких «избранников» у него нет, ибо не только все избранны, но и «все волосы у каждого на голове сочтены». Покаяния и прощения — вот чего добивается христианство. Покаяние же означает прежде все-

¹ Другое заглавие: «Великодушные смягчают сердца». - Ред.

² Вариант: «Тот, шляпу сняв, сказал ему учтиво — благодарю!» - Ред.

го — радикальный переворот в самом умонастроении, в духе, в сердце, как это и показывает греческий термин, означающий покаяние — «метанойя». Сущность же прощения определяется точно и недвусмысленно: если кто-либо не простит согрешившим против него, то и Отец небесный не простит согрешившему. Речь идет таким образом о следствиях, духовно и психологически вытекающих из взаимной любви. Без любви в христианстве нельзя ступить ни шагу; любовь же непрощающая содержит в себе внутреннее противоречие и никак не может быть названа любовью. А сверх того, именно вследствие требования или постулата б о г о п о д о б и я, необходимость взаимного прощения выясняется сама собой. Начать хотя бы с того, что сам евангельский текст допускает два перевода, из-за отсутствия в греческом языке особой формы творительного (инструментального) падежа, заменяемого в случае необходимости падежом дательным. «Не противься злу» и «не противься злом» (т. е. не употребляй против зла злых средств) звучат и пишутся по-гречески совершенно одинаково. И совершенно естественно, именно в соответствии со всем духом евангельской проповеди, употребить здесь перевод в смысле творительного-инструментального (*ablativus instrumentalis*), т. е. в смысле «не употребляй против зла злых средств», средств, умножающих зло, вместо того, чтобы его редуцировать или даже вовсе уничтожить. Тема эта, как это ясно видно, требует здравого согласования логики рассудка и логики сердца. А это тем более трудно, что действительно «сердце имеет свои резоны, которые рассудок понять не может» (*Le coeur a ses raisons que la raison ne comprend pas*, как гениально выразился Паскаль).

Все дело в том, что св. Писание проводит резкую границу между грешником и грехом, чего мы в порядке светского законодательства не найдем. Светское законодательство принципиально знает только преступника и правонарушителя. Да иначе и быть не может. Ведь оно ставит себе две задачи и отступить от них никак не может без риска погубить правопорядок и действительно создать из общества карикатуру на Царство Божие, явленную в «Балладе о камергере Деларю». Карикатуру или толстовскую пародию — это безразлично. Из всего спора, завязавшегося в «Трех разговорах» по поводу непротивления злу, видно с полной отчетливостью, что Владимир Соловьев, при всей своей безупречной вполне христианской гуманности, резко противостоял Толстому и толстовщине именно по вопросу о непротивлении. Знаменитого философа и богослова возмущало в толстовском «непротивленстве» то, что оно являет собою несомненную карикатуру на Царство Божие и на христианскую всепрощающую любовь. Кроме того, совершенно ясно, что человек может и должен прощать за себя, но никак не может делать это за другого без риска отрицания за другим — за ближним — права на личный христианский подвиг, который, в случае господства непротивленческой доктрины, превращается в самую отвратительную форму господства зла и несправедливости на земле, вместо ожидаемого прихода Царства Божия.

Владимир Соловьев очень любил повторять, что задача права и государства заключается вовсе не в том, чтобы устроить на земле рай, но следить за тем, чтобы на земле преждевременно не водворился ад. А между тем то, что происходит в «Балладе о камергере Деларю», есть вышучивающее толстовщину превращение земного царства в царство Сатаны, провал живьем в ад. Смешного тут нет ровно ничего, а слово «шут» есть одно из народных наименований Сатаны. Однако толстовское непротивление вполне заслужило вышучивания и пародии, ибо оно само пародирует то, что для христиан есть самое дорогое, именно — любовь, прощение и Царство Божие, пришедшее в силе. Кроме того, человечеству, поскольку оно не до конца обезумело и не до конца осатанело, давно уже пора дать себе отчет в том, к чему приводит массовый опыт непротивления обобщенному злу и аду на земле, каким является революция с ее принципиальным господством несправедливости и насилия, и каковы мерзостные плоды непротивления революции и сдачи всех позиций культурного правопорядка.

Тут мы возвращаемся к теме о том, что интеллигентское непротивление есть само по себе не только великое и несносное зло, где лжепервосвященником Сатаны является Лев Толстой, а толстовцы его, так сказать, «клирики», но еще и самая отвратительная форма лицемерия, т. е. духовной лжи и развращенности, какие когда-либо существовали на земле. И вот почему.

Тоталитарный коллективизм (всевозможные виды социализма вплоть до крайних степеней коммунизма) предполагалось всегда вводить насильственным путем, «с пролитием океанов невинной крови», по выражению Серно-Соловьевича, одного из идеологов этого направления 60-х годов XIX в., чрезвычайно почитаемого и перепечатываемого ныне в СССР. Даже предположив, что искореняющий личность, свободу и творчество тоталитарный коллективизм и вообще всякого рода «шигалевщина» есть «добро» (что более чем сомнительно), все же придется признать, что добро это — несомненно «злое добро»; вводить его приходится не только путем истребления «виновных», т. е. активно ему противящихся, но и совершенно невинных, мирозерцание которых не соответствует тоталитарным программам, т. е. не поддающихся партийной дрессуре.

Из «Катехизиса революционера» Нечаева и Бакунина видно, что обе категории «мешающих» введению этого «злого добра» подлежат сплошному физическому истреблению. Это в общем — сгормное большинство населения земного шара — девять десятых по их расчету. Совершенно ясно, что рано или поздно это обреченное истреблению большинство, да еще, вдобавок, защищаемое правопорядком и принципами субъективного публичного права так называемых «старых режимов», начнет защищаться — и чем далее, тем с большим ожесточением и с большей решительностью — и времена для «злого добра» и его носителей могут настать не совсем безопасные. Голым насилем ничтожного меньшинства, пожалуй что апостолы «злого добра» могут и не взять вопреки всем обманам лживой пропаганды. Тогда-то, и особенно приняв во внимание значительное количество христиан среди «противящихся», и появляется решение обратиться к последним с «христианской» проповедью о непротивлении злу насилем, или вообще даже о внутреннем непротивлении.

Эту любопытную установку можно сформулировать так:

«Пусть по-вашему мы зло и осуществляем свое злое добро злодейскими и преступными средствами, требующими господства колоссальной по количеству армии палачей (террористов). Но в вашем Священном Писании, в книгах, признаваемых вами святыми, написано, чтобы вы не смели нам противиться; мы же этих книг не только не признаем святыми, но и признаем подлежащими истреблению вместе со всеми теми, кто их почитает и следует их учению. А нам такая конъюнктура очень выгодна: мы будем вас поголовно истреблять, вас, ваши книги и ваше духовенство, вы же и ваше духовенство и ваши книги, нами истребляемые, будете проповедовать непротивление нам, истребляющим вас, ваше учение и ваши книги».

Этот подлый, бесчестный, лицемерный, злодейский до крайности расчет очень выгоден для «шигалевых» и вообще для террористических режимов, тем более, что последние надеются воспитать целую касту такого «духовенства», которое поддерживало бы лицемерие и вопреки христианской евангельской проповеди, отвергающей лицемерие и обман, все строило бы на лицемерии и обмане.

Однако нам, не приемлющим убийства невинных, а тем более не приемлющим идеологии лицемерия и обмана, светских добродетелей и светского «непротивления» камергера Деларю, остается только закрыть уши и сердца для обманной проповеди поддельного, лицемерного, ханжеского лжеевангелия и продолжать стоять на точке зрения истинного христианства, проповедуемого св. ап. Павлом в «Послании к римлянам»: отдать под защиту меча властей, носящих меч не напрасно — самих себя, свои семьи, свою культуру с ее ценностями, помня слова А. С. Хомякова, которого в нехристианской установке обвинить было бы трудно, даже вовсе невозможно:

РАЗИ МЕЧОМ — ТО БОЖИЙ МЕЧ!

А. МАКРИДИ

О хлебе нечерствеющем

Своим жертвам разбойники затыкают рот. Это профессиональная необходимость. Профессиональным революционером приходится делать то же самое. Одним из первых трех декретов, подписанных Лениным и опубликованных на третий день после переворота, был декрет, ограничивший свободу слова. Для окончательного ее упразднения, по мановению того же Ленина, возникли и поныне здравствуют — Агитпроп, Отдел печати ЦК, Главлит, Литконтроль и другие просеиватели русского слова — сущего, будущего и в особенности — прошлого. Без промедления особоуполномоченные просветители принялись изымать из библиотек всё, до Платона включительно, заподозренное во враждебности к марксизму-ленинизму и в способности заслонить светоч диалектического материализма от очей прозревшего пролетариата. Коммунистическое аутодафе затмило пожары Александрийской Школы.

Одновременно, на пропагандную службу были зачислены без права на отпуск решительно все виды демагогии, до прямого мошенничества включительно. Трудно сказать, в чем они находят наибольшее применение; во всяком случае, любое издательство — их дом родной.

До окончания пролетарскими писателями «ликбезов», советскую литературу обслуживали иные из буржуазных, а то и титулованных писателей, проявившие столь удручающее рвение, что даже с точки зрения вполне революционной, оно оказалось чрезмерным. Их отеческим попечением, первые же шаги новорожденной литературы ознаменовались не слишком громким, но для молодой власти довольно вредным скандалом, памятным по названию «Дневник Вырубовой». «Дневник», не пощадивший правдоподобие, память царственных мучеников, а также, и без того униженное национальное достоинство читателей, вызвал среди них нежелательное брожение и для посильного сохранения престижа партийному руководству пришлось не только зачислить «исторический документ» в апокрифы, но и объявить публичный выговор его сочинителю — графу А. Н. Толстому и историку Щеголеву — переусердствовавшим в выполнении социального заказа, что, впрочем, не помешало им вскоре осквернить академическую сцену Александринского театра не более исторической пьесой «Заговор императрицы».

Перечислить все случаи злоупотребления литературой, от описанного до случая с лубянским вариантом «Двадцати писем к другу», конкурировавшим на книжном рынке с подлинником, нет возможности. Чаще всего, это искажение текста без ведома авторов, с которыми коммунистические перелицовщики церемониться не привыкли.

Такой участи не избег и роман В. Дудинцева «Не хлебом единым». После неосторожного опубликования его продолжениями в «Новом мире» и решительного осуждения партией, правительством и «лично товарищем Хрущевым», тщательно абортированный, он был издан щедрым тиражом и по удешевленной цене продавался внутри и вне СССР, чтобы таким путем парализовать, или хотя ослабить распространение подлинника.

Этим дело не кончилось, и через двенадцать лет, к удивлению читателей, причинивший коммунистическому руководству столько неприятностей роман Дудинцева снова появился и продается по общедоступной цене. Правда, «лично товарища Хрущева» у власти уже нет, но партия и правительство остались? Еще злее стали, а тут — этакий либерализм! С чего бы? И то, что нынешнее издание еще меньше совпадает с подлинником, чем предыду-

щее, не объясняет — зачем вообще было ворошить литературное грехопадение двенадцатилетней давности? Зачем оживлять в читательской памяти имя опального писателя, последователи которого, к тому же, натворили еще больших бед? Что побуждает кремлевских литературоведов к повторению однажды уже разоблаченного подлога?

Побуждает неугомонная деятельность многорукого, неупомимого «самиздата», безошибочно отзывающегося на истинные запросы читателей, а не планируемые. Спрос же на дудинцевский роман не уменьшился потому, что социальный конфликт, составляющий основное содержание книги, в жизни не разрешен, разгорается со все возрастающим жаром и всякое правдивое отражение его обязывает идеологических «пожарников» к борьбе с его влиянием.

Борьба, как всегда, ведется под ленинским лозунгом «все средства хороши», то есть, когда недостает сил, применяется ловкость рук. Нужды нет, что мировая техника обмана давно перешагнула через большевицкую; что заученные приемы последней приелись и теряют силу — у «догматиков» нет выбора и они упрямо продолжают плесть свои тенета на ленинском веретене, по старинке, вопреки входящему в моду, но строго засекреченному курсу новоявленных стратегов на преувеличение в сознании иностранцев внутренней слабости СССР. Но тема об этой очередной чертовщине заслуживает отдельного рассмотрения и углубляться в нее сейчас не стоит. Что же до неожиданного переиздания «Не хлебом единым», то бесчисленные купюры его позволяют отбросить всякие сомнения: оно шито старыми подгнившими и слинявшими нитками. За границей это сразу заметили и отметили, но очередная фальшивка не только требует разоблачения, она побуждает и к новому критическому разбору настоящего авторского текста, в свете произошедших за двенадцать лет литературных и общественных сдвигов.

Теперь можно уже с уверенностью сказать, время подтвердило, что именно романом Дудинцева раскрылась новая страница советской литературы, уклонившейся от казенного фарватера в сторону, сорок лет томившейся мертвым дрейфом в СССР, литературы русской. Хотя художественная ценность дудинцевского произведения строгими критиками и подвергается сомнению, трудно оспаривать его право на видное место в истории литературы, и уж во всяком случае, более почетное, чем заняли «Путешествие из Петербурга в Москву» или, не к празднику будь помянутое «Что делать», тут, кстати, и художественного сравнения быть не может.

Но российская эмиграция усмотрела в нашумевшем романе, прежде всего, ослабление духовного пресса в подсоветской России, что по сути, бесспорно, но до сих пор формулируется не всеми точно; тут уместно говорить не о программном послаблении цензуры, а о начале преодоления ее силами, с которыми кремлевский колхоз не в состоянии справиться так, как справлялся ушедший в худший мир одиноличник.

Взрывчатая сила романа проявилась не только в откровенности, с какой автор развеял застоявшийся миф о народности партийно-правительственной системы «первого в истории государства трудящихся», а и в небывалом еще для советской литературы размахе, с каким писатель осветил закоулки социалистического строительства и быта, и психологии строителей, от захолустного рабочего до столичного министра.

А для советской жизни как раз очень типично большее, чем где- и когда-либо наблюдавшееся социально-бытовое

разобшение населения, от которого всеми мерами всегда скрывалась подлинная картина бытовых контрастов «рая», для одних в кавычках, для других — без них. Поэтому, в романе Дудинцева почти каждый читатель нашел для себя немало нового, а порой и неожиданного. Для этого автор не поленился обогатить текст чисто очерковыми подробностями, что в литературном отношении перегружает его, но что оправдывается разоблачительными целями, угадывающимися в романе и самым наивным читателем.

Итак, первые две причины успеха романа в смелом обличении и в широком диапазоне повествования, а третья — в мастерстве, с каким автор пронес взрывчатый материал сквозь испепеляющее чистилище большевицкой цензуры, не сразу спохватившейся. До Дудинцева был только один такой писатель — Зощенко. Но последний тридцать лет морочил большевикам голову, закамуфлировав антисоветскую сатиру борьбой с мещанскими пережитками, а Дудинцев, не прикрываясь никаким жанром, хлещет наотмашь в духе рекомендованного партией же «социалистического реализма».

Дудинцева потому трудно было с налета ошельмовать и обвинить в клевете, что его герои, положительные и отрицательные, не распределены по сторонам, а перемешивались с «никакими» и явились представителями всех частей советского общественного конгломерата. Дудинцев хороший портретист. При этом, советская рама не мешает читателю узнать в каждом портрете определенный тип человеческой породы, наднациональной и независимой от «партийной принадлежности». Пожалуй, самое значительное в книге и есть то, что герои ее и их общественные отношения выходят часто за пределы национальных и политических представлений и распространяются в область всечеловеческой совести. От этого акцент большинства критиков на политическом значении романа представляется иным читателям несколько вульгарным, происходящим от недооценки его.

Пленники коммунизма, ограниченные естественным ожесточением, чаще всего считают, что «такие» типы возможны только при советской власти, но попав за границу и поостыв, убеждаются, что коммунизм и во зле ничего нового не придумал, а только развил и довел до геркулесовых столбов всегда и везде бывшее и сущее свинство. А кто постарше, помнит, что и в дореволюционной России в «таких» недостатка не было, и в этом смысле она не уступала никогда самым передовым и просвещенным странам.

«Такие» — законные представители большинства рода адамова, и имя этому большинству — обыватель. Обыватель же инстинктивно опасается гениев всякого рода, к чему у него имеются и основания. Ведь и Ксеркс метил в гении, когда вознамерился высечь водную стихию; и Нерон, для поэтического вдохновения поджегший Рим. Правда, иные пользу приносят, но вред скверных гениев, все-таки, ощутительней пользы хороших. Так, уж Бог с ними, с гениями вообще!.. Такова философия «молчаливого большинства», катастрофически, можно сказать — самоубийственно растущего номинально и процентуально; философия, порождающая «таких» с давних пор. Это ревностные блюстители застоя.

Среди них есть честные альтруисты, находящие свое призвание в том, чтобы препятствовать успеху шарлатанов, злоумышленников и фантазеров, но, к сожалению, влияние их падает по мере роста тех, что глшат любую искру Божию, воспринимая ее как угрозу для человеческого благополучия вообще, и, что важнее всего, своего в частности, а как раз эти-то немудрящие консерваторы, и используются во вред человечеству самыми отъявленными мошенниками.

Иные благодетели, мнящие себя огнетушителями, хуже самого пожара; они вроде ветра — спичку потушат, а пламя раздуют. Это они поставили на колени Коперника,

сожгли Жанну д'Арк, вырезали гугенотов, сгноили в нищете Колумба, забраковали Попова, сполчили Мусоргского и травят Солженицына. Для перечисления примеров не хватило бы и десяти журналов. Так, не лучше ли и без таких? . . .

И вот, мечется обезумевшее человечество между огненной Сциллой и ледяной Харибдой; между распятием одних народов и невозмутимым изоляционизмом других; то извиваясь от ожогов, то цепenea от холода, но упрямо игнорируя прямой и ясный путь спасения, заповеданный Христом. И дело здесь не в форме правления, а в духовной направленности. Наш народ, заблудившийся в катакомбах атеистического материализма, не забыт Богом, как иные думают, а только наказан раньше всех. Но раньше же других он найдет и выход из кажущегося тупика: «Из крови пролитой в боях, из праха обращенных в прах, из мук казненных поколений, из душ крестившихся в крови, из ненавидящей любви, из преступлений, иступлений — возникнет праведная Русь» . . .

Если бы Волошин смог прочесть Дудинцева и последовавших за ним Синявского, Даниэля, Глазунова, Солоухина, Солженицына и других, умножающих попытки соединить концы прерванной «великим октябрем» русской литературы, он порадовался бы лучам праведности, осветившим разгорающуюся борьбу идеализма в его чистом виде с обросшим волчьей шерстью материализмом. И было бы ему, вероятно, безразлично — добровольно или подневольно, и без того смелые авторы показывают эту борьбу часто не в политической плоскости, а этической. Важно то, что уже в романе «Не хлебом единым», само название которого звучит вызовом «научно-материалистическому мировоззрению», борьба отражена правильно и направление удара угадано безошибочно. **Борьба началась не столько с порождением большевизма, сколько с тем, что его породило и вскармливает.**

Видеть в беспартийных скотах и профессиональных плагиаторах порождение советской власти так же безосновательно, как приписывать ее воспитанию человечность иных партийцев. Отождествлять прохвостов с советской властью — ошибка не менее рискованная, чем та, что толкнула пыльные сердца в объятия революционных гениев и направила их негодование не против государственных стервятников, а против дерева, на котором те свили свои гнезда. Из этого, конечно, не следует, что без приспособленцев и пройдох советская власть была бы милее, но без них, может быть, ее и вовсе не было бы? . . .

Так или иначе, эти два явления, как бы любовно они ни сплелись в отвратительный клубок большевизма, обязательно следует различать, если мы не хотим обречь себя на новое разочарование. После замены советской власти новой, среди ее представителей мы снова столкнемся с Шутиковыми. Увидим их непременно, и все в той же роли глушителей и душителей решительно всего, что способно нарушить спокойный пульс канцелярской волокиты, а следовательно, и их собственное благоденствие.

Советская власть — несчастье переходящее, а шутиковщина — переходящее из века в век, из одного режима в другой; величина постоянная, вездесущая, ныне уже «демократически» разрастающаяся и становящаяся серьезной душевной болезнью, бичом человечества.

Для преодоления ее в нашей стране свержения советской власти недостаточно. Одна только политическая борьба с большевизмом, без собственного самоусовершенствования, подобна лечению дурной болезни накожными мазями, потому что большевизм, как в этом можно было убедиться уже давно, родился не в политике, а в Эдемском саду; он только вполз в политику, как вползает насекомое в грязное белье, и родину его следует искать не в политических справочниках, а в психологической и нравственной сфере. Поэтому, беспартийность таких беспозвоночных, как Урюпин и Максютенко, равно, как и партийность

честного Бальина или идеалиста Галицкого, не случайность, а то самое естественное и неизбежное недоразумение, которое и вынуждает плутов и демагогов к перманентному обновлению своего партийного аппарата.

В таком свете и следовало бы понимать основной конфликт в романе Дудинцева, из которого явствует, что именно в России, настигнутой девятым валом brutального материализма раньше других, раньше чем у других возникли и процесс духовного оздоровления и реакция идеализма. В «стране победившего социализма» началась поляризация человеческих свойств, и наряду с небывалым ростом невиданных по жестокости клыков воинствующего безбожия, крепнет огнеупорный, морозоустойчивый идеализм; не малокровный, не мечтательный, а закаленный и мускулистый, готовый перейти от обороны в наступление

против сатанинской гвардии партийных и беспартийных христородавцев.

Тут-то и таится главная опасность не только для советской власти, но и для всякой другой, какая сунется ей на смену с рационалистическими знаменами. И победа Лопаткина, венчающая роман Дудинцева, не подцензурный реверанс в сторону «коммунистической морали», а грозный и вещий символ, за истекшее десятилетие оправдавшийся.

«Не хлебом единым» напоминает удар выдержанного боксера, не разменивающего силу по пустякам. От этого удара и образовалась первая трещина в стене тюрьмы русской литературы. После него посыпались другие. Трещины умножаются, коммунисты уже не успевают их замазывать.

Л. ВЛАДИМИРОВ

Ученые и лжеученые*

Фантастическая 33-летняя «научная карьера» академика Трофима Лысенко окончилась в тот же самый день, что и политическая карьера Никиты Хрущева. На известном «пленуме заговорщиков» 14 октября 1964 года было решено не только изгнать бывшего диктатора, но и положить конец безраздельному господству так называемой «мичуринской биологии» в стране.

Задолго до октября 1964 года молодые ученые составили своего рода «черную книгу» — документальный обвинительный акт против Лысенко и его «последователей». Эта книга на 238 страницах была ими смело послана в ЦК партии и, может быть, явилась одной из причин того, что Лысенко был развенчан вместе с Хрущевым. Однако надежды, что после октября 1964 года обвинительный акт увидит свет, не оправдались. Рукопись, представленная к публикации одним из толстых литературных журналов, была немедленно запрещена цензурой. Она пошла теперь из рук в руки, по накатанной дороге подпольной литературы, разделив судьбу сотен других документов, романов и стихов.

Я никогда не читал столь позорных и трагических документов, как те, что приведены в обвинительном акте против Лысенко. Книгу, конечно, здесь не перескажешь, но некоторое представление о ней я все-таки попытаюсь дать.

На протяжении трех с лишним десятилетий биологическая наука в стране была терроризована «школой» Трофима Лысенко. Участники этой «школы» объявили себя единственными представителями диалектического материализма в биологии, а затем, используя имя русского селекционера-садовода Ивана Мичурина, назвали свое учение «мичуринской биологией». То, что они проповедовали, имело так же мало отношения к Мичурину, как к самой биологии. Это был наивный ламаркизм, приправленный совершенно бредовыми фантазиями.

Прежде всего, Лысенко отрицал ген, как носителя наследственности. Затем, он считал, что по наследству передаются признаки, приобретенные при жизни организма под влияние окружающей среды. Далее, отрицалась нечисто внутривидовая борьба в живой природе.

Практические выводы из подобных «теорий» звучали совсем уж дико, но, тем не менее, совершенно серьезно излагались в «научных трудах» лысенковцев. Утверждалось, например, что из пшеницы может получаться рожь, из овса — овсюг, а из яйца кукушки может вылупиться пчелка (честное слово, я не утрирую, не преувеличиваю, я это видел сам в статьях Лысенко, не только в книге, о которой сейчас рассказываю). Говорилось, что деревья, например, надо сажать гнездами: из гнезда вырастет всего одно дерево, но это не значит, что оно подавит остальные — ведь внутривидовой борьбы не существует, — а просто остальные саженцы «сознательно» принесут себя в жертву самому сильному и здоровому деревцу и тем помогут (да-да, именно помогут!) его росту.

Лысенко и его «карманный идеолог» некто Исаак Презент постоянно клеймили ученых-генетиков за «отрыв от жизни», за «возню» с мухами-дрозофилами вместо «реальной помощи сельскому хозяйству». Однако, как совершенно точно установлено, ни одно предложение «мичуринских биологов» (а недостатка в самых фантастических рекомендациях не было) не принесло даже ничтожной пользы сельскому хозяйству. Наоборот, предложения эти, обычно принимавшие силу закона для всей страны, подорвали агрономию СССР коренным образом.

Крупнейшие ученые страны пытались, как могли, бороться с бедствием. Но лысенковцы никогда не шли на открытый научный спор, понимая свое бессилие в этом смысле. Они действовали иначе.

В 1940 году великий русский биолог Николай Вавилов «осмелился» высказать Трофиму Лысенко свое негодование по поводу безграмотных и антинаучных теорий, по поводу расправы с инакомыслящими — к тому времени уже многие видные профессора томились в тюрьмах по политическим доносам Лысенко и его группы. Николай Вавилов изложил свою точку зрения также в письме тогдашнему министру сельского хозяйства Бенедиктову. Лысенко «возразил» на это по-своему: 6 августа 1940 года академик Вавилов был схвачен и брошен в Саратовскую тюрьму. Вслед за тем была создана «авторитетная комиссия» из лысенковцев, чтобы определить состав преступлений Николая Вавилова. Составленный ею акт утверждал, например, что Вавилов портил аэродромы, рекомендуя засевать их негодными сортами трав. Остальные обвинения были на том же уровне.

* Из книги Л. Владимиров: «Россия без прикрас и умолчаний». Издат. «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1969, 325 стр.

Николай Вавилов погиб в тюрьме в начале 1943 года. Незадолго до того Королевское Общество Великобритании избрало его своим почетным членом, но ученый так и не узнал об этом.

После окончания войны, когда многим казалось, что возможна некоторая демократизация советского общества, несколько мужественных людей вновь попытались доказать никчемность «теорий» Лысенко и опасность вытекающей из них практики. Самыми «неприятными» для Лысенко противниками были академики Прянишников и Шмальгаузен. Их доводы, ясные и неоспоримые, склонили на их сторону даже кое-кого из партийного руководства — например, известного сталинского сатрапа Андрея Жданова. В печати была опубликована статья его 27-летнего сына Юрия, который в этом возрасте занимал уже должность заведующего отделом науки ЦК партии. Юрий Жданов осторожно, но вполне определенно выступал против Лысенко.

Встревоженный «основоположник мичуринской биологии» кинулся к Сталину и нашел у него полную поддержку. В 1948 году состоялась так называемая «биологическая дискуссия» при Академии сельскохозяйственных наук. Это был дикий погром всех подлинных генетиков, которых назвали «морганистами-менделистами-вейсманистами». К счастью для него, академик Прянишников скончался за три месяца до открытия «дискуссии», так что главный удар пришелся по академику Шмальгаузену. Однако после «биологической дискуссии» было арестовано, выброшено из университетов и лишено всех ученых званий не меньше трех тысяч человек! Так, одним ударом, Лысенко окончательно разделался со всеми своими противниками и стал до самого 1964 года безраздельным властелином в биологии.

Об обстановке, какая сложилась в стране после «дискуссии», говорит такой факт. Ближайший сотрудник академика Прянишникова профессор Дикуссар в «дискуссии» не участвовал — он был в это время на отдыхе вне Москвы. Вернувшись, он с изумлением обнаружил, что нигде больше не работает — его заочно сняли со всех постов. Трофим Лысенко мстил таким образом мертвому Прянишникову.

Профессор Дикуссар отправился в ЦК партии. Его принял заведующий отделом сельского хозяйства Сотников — один из ставленников Лысенко. Дикуссар попросил у него какой-нибудь работы, сказав, что всю свою жизнь отдал биологии и больше ничего, к сожалению, делать не умеет.

— Покажите мне какую-нибудь вашу статью с критикой взглядов академика Прянишникова, — сказал ему Сотников. Дикуссар пожал плечами и ответил:

— Покажите мне хоть одно место в сочинениях Прянишникова, которое заслуживало бы критики.

— Ах, вот как вы разговариваете! — вскипел партийный босс. — Тогда до свидания!

Дикуссар ушел и через три дня был арестован. Он выжил в лагере и был реабилитирован после смерти Сталина. Возобновил научную работу, однако, не в Москве — это не удалось, — а в Кишиневе, в Молдавской Академии наук.

В конце пятидесятых годов было восстановлено доброе имя покойного академика Прянишникова. В 1961 году вышел в свет сборник его памяти. Предисловие к сборнику написал... Сотников! Тот самый Сотников. Он в то время занимал пост министра сельского хозяйства РСФСР. Здравствует он и поныне.

Такими примерами — полностью документированными — заполнены все 238 страниц обвинительного акта против Лысенко. Доносы, аресты, кровь, смерть, самоубийства ученых. Когда после XX съезда партии началась реабилитация жертв сталинского террора, следователи обнаружили, что десятки ученых были в свое время арестованы по доносам некоего Якушкина, носившего звание академика. Этого Якушкина вызвали, и он показал, что систе-

матически фабриковал доносы на неугодных Лысенко людей. Он был и членом «ученой комиссии» по обвинению Николая Вавилова. Якушкин подписал эти свои признания, приехал домой и умер от разрыва сердца.

Но его вдохновитель Лысенко даже в это время чувствовал себя прекрасно. Хрущев ценил его так же высоко, как и Сталин. Уже в шестидесятых годах Лысенко с помощью Хрущева «убрал» своего идейного противника академика Дубинина (который, к неудовольствию Лысенко, сумел пережить последискуссионный террор) с поста директора института генетики Сибирского отделения Академии наук СССР.

И вот Лысенко пал, его учение объявлено несостоятельным. Переписываются все учебники биологии для школ и университетов, меняются программы научных исследований. Признается существование гена, снова идут опыты над мухами-дрозофилами, развивается изучение кода наследственности, действия химических и радиоактивных мутагенов. Искореняются из сельскохозяйственной практики агрономические «приемы», рекомендованные Лысенко. Казалось бы, нужно сделать еще одну вещь: отстранить от научной работы самого Лысенко и его хотя бы ближайших приверженцев — слава Богу, они убедительно доказали, что никакого отношения к науке не имеют. В дальнейшем не мешало бы тщательно ознакомиться с поступками каждого из этих людей и передать их суду за совершенные уголовные преступления.

Но нет: ни того, ни другого власти делать не собираются. Современные вожди России, недогнувшей рукой пославшие на каторгу писателей Синявского и Даниэля, старательно выводят из-под удара самого Лысенко и его бандитов от науки. Никакого расследования их действий не ведется, хотя материал прямо под руками: самый неопытный следователь может за месяц проверить факты, собранные в «черной книге».

Но что там расследование! Центральный комитет партии наложил прямой запрет на публикацию разоблачительных материалов об ученых-преступниках. Нам, научным журналистам, было сказано на «инструктивных совещаниях», что нельзя разжигать страсти, ибо это может означать возврат к тем самым методам, какими действовали лысенковцы. Мы, мол, не должны допускать мести, а наоборот — обязаны обеспечить свободу мнений в биологии.

Странное милосердие и благородство властей имеет четкое объяснение: в аппарате ЦК по-прежнему сидят «люди Лысенко», пожирившие честных ученых по его наветам. Как же могут они допустить сколько-нибудь объективное расследование их собственных действий?

Это простое соображение объясняет многое не только в биологии, но и в других науках — в кибернетике, например, в физике, химии, даже в изучении космического пространства. Идеологические наскоки невежд на подлинных ученых шли и в этих науках год за годом. Ныне карьеристы и шарлатаны, травившие настоящую науку, несколько притихли — но и только. Ни один из них не пострадал.

В 1965 году в Федеративной Республике Германии собирались прекратить судебные преследования нацистских военных преступников за истечением двадцатилетнего срока давности. Как известно, советская пропаганда подняла против этого проекта мощную кампанию (по сути дела, как мне кажется, правильную). В ходе обсуждения всех «за» и «против» министр юстиции ФРГ г-н Бухер обронил мрачную фразу. Защищая проект, он сказал: «Мы должны научиться жить рядом с убийцами». На другой день слова эти были воспроизведены всеми советскими газетами, и негодующие комментарии лились рекой. Как раз в тот день я приехал по какому-то делу в один из научно-исследовательских институтов Академии наук в Москве. Войдя в лабораторию члена-корреспондента Академии наук Т., я увидел его самого с газетой в руках, в окружении доброго десятка сотрудников. Они что-то горячо обсуждали. При появлении журналиста спорящие примолк-

ли, но Т. знал меня давно и счел предосторожности излишними. Он с усмешкой обратился прямо ко мне:

— Вот у нас тут любопытный разговор происходит. Что вы думаете по поводу фразы западногерманского министра?

Я сказал, что фраза неприятная.

— Целиком согласен, — как-то иронически поддержал меня Т. — но согласитесь и вы, товарищ журналист, что эти немцы здорово от нас отстали.

— То есть как?

— А так: им, как видите, еще только предстоит учиться жить рядом с убийцами, а мы, советские ученые, давным-давно научились. Вот через полчаса я пойду обедать в академическую кормушку (так прозвали закрытую столовую для высшей профессуры на Ленинском проспекте. — Л. В.) и непременно встречу коллегу Лысенко. Дюжина таких «коллег» есть и в нашем богоспасаемом институте, да и во всех других институтах тоже.

Профессор Т. не пошел обедать через полчаса. Мы проговорили дольше, и он между прочим приоткрыл мне подробности еще одного грязного и страшного дела в науке, участники которого до сих пор не тронуты и не разоблачены, а наоборот — ходят в высоких чинах.

Дело это произошло в физике. Когда Лысенко в 1948 году так «удачно» расправился со всеми конкурентами и захватил биологический «престол», его лавры стали не давать покоя некоторым ученым-физикам. Они, что называется, спали и видели себя во главе физической науки в СССР — после того, как на «дискуссии» будет разгромлено какое-нибудь «реакционное», антимарксистское научное течение.

Весь вопрос был в том, чтобы отыскать такое течение, а уж громить — дело простое и знакомое. Козлом отпущения для Лысенко послужил «вейсманизм-моргананизм-менделизм» — этот набор иностранных имен, да еще с еврейским душком, великолепно играл на чувствах тогдашних партийных лидеров, начиная с самого Сталина. Отлично — почему бы не разгромить в физике совсем уж еврейское течение — «эйнштейнианство»? Доказать его грехи с политической и философской точки зрения было куда как легко. Все эти релятивистские изменения линейных размеров и массы тела — разве укладываются они в марксистско-ленинскую формулировку о том, что «материя первична, а сознание вторично»? Нет, конечно. Ага, вот вам первое обвинение. Или различное протекание физических процессов в зависимости от системы отсчета, от позиции наблюдателя — разве это материализм? Идеализм чистой воды! Вот и второе обвинение готово. К тому же ведущие советские физики, среди которых так много евреев, поклоняются своему еврейскому богу Эйнштейну, живущему в самом логове врага — в Америке. Прочь их с нашей светлой коммунистической дороги!

И подготовка будущей «дискуссии» в физике развернулась вовсю. Вышел в свет солидной толщины сборник статей «Против идеализма в современной физике». Составителю этой чудовищной книги профессору Дмитрию Иваненко, ее редактору профессору Дмитрию Блохинцеву и авторам статей, в числе которых, увы, оказались крупные физики профессора Петров и Широков, изменили не только их научная совесть, не только логика, но и юмор. Они и не заметили, как стали в ряд с гитлеровцем Ленардом, выдающимся физиком, который, однако, продал душу дьяволу и потратил свои последние годы на создание «немецкой физики» без Эйнштейна. Создатели сборника «Против идеализма в современной физике» делали то же самое — «очищали физику от Эйнштейна и прокламировали свою «материалистическую» физику, только на сей раз не немецкую, а русскую.

Но Эйнштейн был в то время далеко, за океаном, поэтому авторы сборника атаковали его советских «последователей», в числе которых, понятно, были все лучшие имена: Ландау, Тамм, Харитон, Зельдович, Векслер, Гинзбург, Иоффе — всего около двухсот человек.

В качестве второго этапа подготовки к «дискуссии» был составлен проскрипционный список из этих самых двухсот имен и подан на рассмотрение Сталину (то же самое сделал незадолго до того Лысенко перед своей «дискуссией», и разгром удался на славу). Сталин, понимавший в физике ровно столько же, сколько в биологии, против «дискуссии» не возражал, но список почему-то его насторожил. Он потребовал, чтобы против каждой фамилии в списке было указано место работы. Когда это сделали, то выяснилось, что около половины будущих жертв «дискуссии» работают над ядерным оружием. И Сталин немедленно сказал: «Не надо дискуссии». Он спас этим жизнь многим замечательным людям.

А что же инициаторы «движения» профессора Блохинцев и Иваненко? Ничего, они и сегодня в полном порядке. Дмитрий Блохинцев, например, много лет был директором Объединенного института ядерных исследований в Дубне, и покойный академик Векслер, как руководитель лаборатории высоких энергий этого института, числился его подчиненным. В его же подчинении работал и профессор Бруно Понтекорво. Ныне директором Дубненского института состоит выдающийся ученый и кристально честный человек академик Николай Боголюбов, но смена руководителя произошла не потому, что кто-то хотел снять Блохинцева, а в силу международного устава института, объединяющего ученых всех коммунистических стран (я еще в 1961 году встречался и беседовал там с китайским профессором Ван Ган-чаном).

Профессор Т., рассказав детали этой грязной истории, добавил, однако, что ученые не забыли заслуг Блохинцева и Иваненко. Каждый год власти выдвигают их обоих кандидатами в Академию наук: первого хотят сделать ее действительным членом, второго — членом-корреспондентом. Каждый год обе кандидатуры проваливаются при тайном голосовании.

— Маловероятно, что их призовут когда-нибудь к ответу, — меланхолично заключил профессор Т. — но одно могу вам гарантировать: пока жив хоть один представитель нашего поколения ученых, эти мерзавцы не продвигнутся.

Наш разговор был о физике, но убийцы и в других науках живут рядом со своими жертвами, которых они не успели убить или затравить. Нечто похожее на «антиэйнштейновскую» кампанию произошло, например, в химии, где атакам подверглась «идеалистическая» резонансная теория реакций. Не было недостатка в статьях, которые, хотя и публиковались в научных журналах, представляли собою просто политические доносы. После появления таких статей обычно арестовывали «виновных», в лучшем случае выгоняли с работы.

Вполне естественно, что в такой обстановке, когда истинная суть науки отходила на задний план, а жизненное значение имели только политические спекуляции, на научной арене появились и имели успех совсем уж темные личности, шарлатаны и проходимцы. Так, после лысенковской «дискуссии» очень сильный пропагандистский шум произвела Ольга Лепешинская. Эта старая женщина объявила, что она открыла ни более ни менее, как тайну жизни, проследила «образование живого вещества из неживого». Ее великое открытие не подлежало сомнению и не могло оспариваться — ведь его одобрил сам Сталин. Во славу Лепешинской исписаны тонны бумаги, на тему ее «открытия» защищены сотни «научных» диссертаций. Сама Лепешинская вскоре скончалась в чести и славе (она не успела, к сожалению, довершить свою очередную работу по поддержанию вечной молодости, но именно такая была ее последняя тема). А те, кто получил ученые звания кандидатов и докторов наук в результате защиты диссертаций «по Лепешинской», по-прежнему их носят. Эти люди занимают солидное положение в науке. Лишить их ученых званий невозможно: ведь тогда надо отнять профессорские и прочие титулы у всех тех, кто получил их по линии «мичуринской биологии», а таких людей (даже среди нынешних противников Лысенко) сегодня боль-

шинство. Действительно, ведь, если говорить о биологии, то в последние два десятка лет никакие диссертации кроме мичуринских» не имели шансов на успех.

Вот тут мы и подходим к главной трагедии сегодняшней русской науки — к ее аморальности. Все поколение русских людей, переживших Сталина, более или менее аморально, но в науке эта мрачная нота звучит особенно ясно и громко.

Недавно, уже после краха Лысенко, один честный и смелый научный журналист написал очерк о некоторых его преступных деяниях. По «ошибке» очерк был опубликован в маленьком провинциальном журнале, и тут же с партийного неба грянул гром. Очерк специально обсуждался в ЦК, там говорились благодарные слова о том, что не надо поминать старое, не надо сводить счеты и прочее. Но против автора очерка было выдвинуто еще одно, главное обвинение — в неискренности. Оказывается, он, автор, в 1948 году написал какую-то статью с пропагандой идей Лысенко. «Что же получается? — гремели ораторы в ЦК. — В 1948 году вы хвалили Лысенко, а теперь его проклинаете? Где принципиальность?»

Это, конечно, неслыханный цинизм — ведь автор мог бы спросить того же Брежнева или Косыгина, почему до 1953 года они хвалили Сталина, а после 1953 года — Хрущева. Кроме того, свою борьбу против Лысенко этот журналист начал задолго до его падения, за что имел массу неприятностей от тех же лиц, что теперь нагло обвиняли его в «неискренности». Однако не это нас сейчас интересует. Беда в другом. Журналист этот, действительно, написал в 1948 году статью о Лысенко, но он мог бы написать и серию статей и даже книгу. Элементарная честность могла, допустим, удержать его от личных нападок на представителей «морганизма-менделизма», но что касается похвал Лысенко — от этого удержаться было почти невозможно. Журналист есть журналист: ему заказывают статью на биологическую тему, а в те годы написать антилысенковскую статью было абсолютно бессмысленным самоубийством. Тебя упрячут в лагерь или расстреляют, а о том, что ты сделал, не узнает ни одна душа, кроме редактора, позвонившего в КГБ, да сотрудников этого учреждения.

Я привел пример не с ученым, а с научным журналистом просто потому, что пример этот свежий и колоритный. Кроме того, я тоже научный журналист и хорошо понимаю беду моего коллеги. Сам я не прославлял Лысенко в своих статьях только потому, что до 1947 года не был популяризатором науки, а с 1947 по 1953 благополучно просидел в лагере. После смерти Сталина похвалы в адрес Лысенко стали уже не так обязательны. Но если бы в те годы я был на свободе, если бы занимался научной журналистикой, то, вероятно, и на моем счету появилось бы что-нибудь в том же роде.

Но тут немедленно всплывает вопрос: если все так черно в русской науке, то чем объяснить ее успехи, пусть и не такие громадные, как твердит пропаганда, но все-таки успехи? Как случилось, например, что русские ученые первыми послали спутник в космос, первыми запустили человека на околоземную орбиту?

Попробую ответить.

*

Все современные тепловые электростанции оборудованы так называемыми прямоточными котлами. Известно, что прямоточный котел — русское изобретение. О том, что его разработал в тридцатых годах нашего века инженер Леонид Рамзин, знает лишь узкий круг специалистов. Но почти никому не ведомо место рождения прямоточного котла. А место довольно интересное — специальная тюрьма № 4, Москва, шоссе Энтузиастов.

Именно в этом малоподходящем для творчества учреждении Леонид Васильевич Рамзин и его коллеги (такие же заключенные, как он сам) создали котел, означавший ска-

чок вперед для всей мировой энергетики. Изобретение было исключительным, и Рамзину повезло: Сталин дал приказ выпустить его и наградить. Вскоре инженер, правда, умер — тюрьма, даже специальная, не удлиняет жизнь, — но все-таки он умер свободным и уважаемым, если можно о ком-нибудь в России говорить, что он свободен и уважаем.

А вот человек, носивший последние десять лет своей жизни громкий титул Главного конструктора космических кораблей, не был выпущен из спецтюрьмы за свои изобретения, хотя тоже создал немало ценного для страны в годы «изоляции» (так нежно именовали в те времена тюремное заключение). Да-да, я имею в виду уже упомянутого Сергея Павловича Королева. Выйти из тюрьмы помогла ему смерть Сталина.

В заключении работал долгое время видный авиаконструктор Андрей Туполев, под домашним арестом на даче творил академик Петр Капица. Правда, ни тот, ни другой не побывали в спецтюрьме. Совсем недавно, в 1965 году, академик Капица построил новый генератор токов сверхвысокой частоты и дал своему детищу название НИГО-ТРОН. Под этим именем генератор и фигурирует теперь в мировой научной литературе. И только немногие сотрудники академика знают, что в имени генератора заключена горькая ирония. Первая половина названия — НИ-ГО — суть начала двух слов «Николина ГОра». А Николина Гора — это то место, где Петр Капица работал в своем «комфортабельном заключении» и где ему впервые пришла в голову идея будущего генератора, осуществленного много лет спустя.

Спецтюрьмы для ученых и крупных инженеров — одна из самых дьявольских идей Сталина. Мой друг, инженер, просидевший несколько лет, уже после войны, в спецтюрьме № 4 (той самой, где за десять лет до него работал Рамзин), рассказал мне несколько мрачных подробностей об этом заведении. Одиночные камеры узников спецтюрьмы хорошо отапливались, имели койки с матрацами и даже постельным бельем. Заключенных одевали в приличные костюмы синего шевиота и сорочки с галстуками. Каждое утро их выводили на совместную работу в лаборатории или конструкторские бюро, устроенные там же, при тюрьме. Во время работы можно было переговариваться исключительно на деловые темы — за этим следили охранники, одетые точно в такие же костюмы, как заключенные. Раз в два месяца давались свидания с родными, но не в здании спецтюрьмы, а в одной из «общих» тюрем Москвы — Таганской, куда узников специально возили в арестантских машинах. Строжайше запрещалось даже наемать родственников, где ты отбываешь срок. Если кто-либо нарушал этот запрет, и наивные родственники приходили под стены спецтюрьмы наводить справки, им отвечали, что здесь никаких заключенных нет, а потом добавляли «нарушителям» восемь лет срока за разглашение государственной тайны.

В таких-то вот условиях крупные специалисты, арестованные без всякой вины, обязаны были напрягать мозги, чтобы усилить могущество государства, их арестовавшего. И они напрягали! Свидетельством тому — и прямоточный котел Рамзина, и жидкостные ускорители для самолетов Королева, и бомбардировщик ТУ-2 Туполева и многие другие полезные вещи. Демонстрируя вершины цинизма, сталинские сатрапы даже возили Сергея Королева на аэродромы, чтобы дать ему возможность видеть работу его ускорителей и вносить улучшения в конструкцию. Об этом есть документальное свидетельство, по недосмотру цензуры опубликованное в СССР в 1965 году*).

Я думаю, что приведенные только что факты (составляющие малую каплю из океана таких же и еще худших) дают ответ на вопрос «почему наука в СССР все-таки раз-

* М. Галлай. Испытано в небе. Записки летчика-испытателя. Москва, издательство «Молодая гвардия», 1965.

вивается?» Ведь если даже за стенами тюрем ученые и инженеры создавали нечто новое и оригинальное, то вне этих стен они и подавно работают хорошо. Подлинный ученый не может бездействовать, откладывая осуществление своих идей на неопределенное время. Власть же — какая бы она ни была — предоставляет ему хорошо оборудованные лаборатории, дает средства на эксперименты. В утешение самим себе русские ученые любят сегодня говорить, что они, работая, «удовлетворяют свое любопытство за счет государства». И, хотя очень многие понимают слабость этой отговорки, почти никто из них не трудится даже вполсилы. Нет, они «выкладывают» все. Даже те люди, что беседовали со мною в секретном Китае — люди, которых невозможно упрекнуть в сочувствии системе, — даже они, я уверен, работают «с полной отдачей». Возможно, они утешаются тем, что создают науку будущей свободной России, но практически диктаторы

сегодняшней подневольной России используют их гений по своему усмотрению.

Вот что сказал мне однажды большой ученый, академик, часто выезжающий за границу:

— Всякий раз, когда я бываю на Западе, я слышу один и тот же вопрос. Как это вы, русские, достигли таких успехов в космосе? Как вы сумели на какой-то период обойти даже американцев? Я отделяюсь в ответ общими фразами, не могу же я им сказать, что в нашей стране можно бесконтрольно тратить на престиж и на пропаганду любые деньги, отнимая их у народа. Я не могу им объяснить, что одна наша космическая ракета стоит больше, чем весь Московский университет, что после полета Гагарина цены на продукты питания подскочили на 30—40 процентов, а зарплата рабочих не выросла даже на копейку. Идеалисты они там на Западе, ничегошеньки не понимают!

Фильм „Андрей Рублев“

В 1969 году на кинофестивале в Каннах появился кинофильм «Андрей Рублев» и получил заслуженную премию. К концу лета он шел в Париже. Зимой его сняли с экрана, но весной опять пустили. Те кинотеатры, где шел этот фильм, всегда были переполнены.

В Советском Союзе «Андрей Рублев», продукт советской киноиндустрии, не идет, но говорят, что в самом начале, как только был выпущен, шел короткое время в Москве, причем обе части длились 4 часа. В Париже — 3 часа. Что сократили и по какой причине, трудно сказать. Сейчас мы можем о картине судить в том виде, в каком она была выпущена в Париже.

Конечно, трудно сделать фильм о Рублеве-иконописце; ведь о нем всего лишь известно, что он был монахом, учеником Феофана Грека и расписывал Благовещенский собор в Москве и Успенский собор во Владимире, написал несколько икон... Всех этих данных не достаточно даже для того, чтобы говорить о его биографии, а тем более для фильма. И фильм этот — не о творчестве Рублева, не о технике иконописания, не простой перечень его работ (подлинных и спорных), — а о чем, собственно говоря, трудно сказать. Может быть, о эпохе Рублева — жестокой, ненастной и подчас прямо жуткой? Может быть, о русской смекалке (эпизод с колоколом)? О беспросветном варварстве татар? О полной дегенерации патриотических чувств у русских князей, да впрочем, и не только князей — о предательстве и грызне среди русских (сравнение с грызнёй собак за кусок татарской конины)? О плотскости русского народа, стремящегося сохранить языческие обычаи сомнительной нравственности?

— Может быть. Все это в фильме есть, но все же нельзя ни одну из указанных тем поставить на первое место и ею все объяснить. Такое объяснение было бы столь узким и тенденциозным, как, хотя бы, мнение об антирелигиозном пропагандном значении фильма, выведенное из кадров, показывающих грубое поведение игумена, или антирелигиозных вопросов татарины. Впрочем, может быть и другая крайность: принимать весь фильм как религиозную пропаганду, что тоже будет лишь свидетельствовать о непонятности объясняющего.

Картина начинается своего рода предисловием: полетом на воздушном шаре, — вероятно, первым русским полетом. Весна, разлив рек, храм белокаменный использован для запуска шара. Красота взлета и ужас падения. Остался ли жив сам пилот? Не известно. Важно само стремление ввысь, никогда не угасающее стремление к горнему, неизведанному. В этом как бы ключ ко всему фильму. Дальше идут ужасы и страдания, неудачи и беспросветное несчастье, но ключ дан.

Любой режиссер, взявшись за фильм о Рублеве, будет поставлен перед скудостью не только сценически выгодных, но и вообще каких бы то ни было данных о своем герое. Что показать зрителю? Ничего не осталось кроме считанных произведений и славы. И автор фильма поступил правильно, взяв на прицел само творчество Рублева, пытаясь найти глубинные корни и причины его, заглянув, что называется, в душу великого художника-иконописца. Заглянул с уважением и, пожалуй, даже со смирением перед великим талантом в снятая святых художественного, да и вообще всякого творчества. О том, что

автор фильма увидел в творчестве Рублева, именно и сказано на протяжении всей картины. Рассказ все вновь и вновь возвращается к единой теме: что дало Рублеву силу творчества.

В первом эпизоде фильма говорится об остатках язычества в русском народе, сохранившихся на рубеже XIV и XV веков. Можно отвергать документальное значение и реализм ночных языческих радений, но дело совсем не в этом, а в поставленном ребром вопросе: ведь это любовь! Как Рублев может ее отрицать, когда даже христианство говорит о любви!.. И Рублев такую любовь отрицает — не без колебания сначала, но с сознанием: это не то!

Затем — юродивая, приставшая к артели иконописцев. Набег татар, объединившихся с русскими соседями-предателями. Во время набега Рублев убивает насильника юродивой, русского. Опять любовь, но более высокого характера — за ближнего своего, в его защиту отдача всего, даже нарушение величайшей заповеди: «Не убий». Этот грех приводит его к наложению на себя обета молчания. Кстати, дурочка впоследствии везжает с татарами и за попытку Рублева ее остановить плюет ему в лицо.

Молчание и отказ от иконописания, покаяние в жесткой ломке самого себя; опять внутреннее восхождение — и нарушение молчания: человек, некогда преданный одним монахом на пытки и мучения, опознал своего предателя и хочет его убить. Рублев бросается перед ним на колени и просит убить его, а не предателя...

Фильм кончается тем, что Рублев во имя любви к людям слагает с себя молчание и идет в Троице-Сергиевскую Лавру, отдать свое творчество людям. После этого фильм из черно-белого переходит на краски и дается целая симфония из произведений Рублева — икона Троицы и другие, а

как заключительный аккорд лик иконы Спаса. Раздается оглушительный удар грома и льется дождь на иконы, на драгоценнейшую живопись Рублева, на лошадей, свободно, без утраги стоящих у реки, на всю Русь...

Надо сказать, что тема дождя проходит через весь фильм. Точнее, не просто дождя, а непогоды, ненастья. Интересно изображен Феофан Грек, учитель Рублева — не как типичный грек, а совсем русский, мудрый человек. После своей смерти, Феофан Грек является Рублеву и этот эпизод дан без всякой претензии на мистику или сюрреализм. Просто, близкий человек пришел поговорить о важном. — «Да ты же помер!» — «Ну и что ж, что помер?» — Красочны некоторые детали разговора. На вопрос Рублева, что на том свете: «Совсем не так, как здесь себе представляют». А кончится ли когда ненастье на Руси? — Ответа нет...

Жизнь монашеская как жизнь монастырская, молитвенная, вообще не показана; вместо этого в диалогах много цитат из Священного Писания, что создает впечатление, что монахи знают его и стремятся провести его в жизнь.

Вообще же стоит отметить, что воспринимать этот фильм как историческо-документальный или биографическо-археологический, даже как искусствоведческий никак нельзя. Это свободное размышление об эволюции духовного мира великого иконописца.

И. Г.

С. Шварц «Советский Союз и арабо-израильская война 1967 года». Издание американского еврейского рабочего комитета, Нью-Йорк, 1969 г., 216 страниц.

Эта книга вышла в конце прошлого года пока что только по-русски. Ее содержание — выяснение роли руководителей КПСС в развитии ближневосточного конфликта и особенно в развязывании шестидневной арабо-израильской войны в июне 1967 года.

Автор ссылается на советские документы, цитаты из выступлений руководителей КПСС и дипломатов, материалы, почерпнутые в советской и западной печати, как и в публикациях очевидцев, участников событий, военных обозревателей и писателей.

Коротко о содержании книги.

Сначала дан краткий обзор истории советско-израильских отношений и основных зигзагов советской ближневосточной политики. С. М. Шварц напоминает, что Советский Союз был в числе первых государств, признавших

независимый Израиль. В течение первых двух лет существования этого государства советская политика по отношению к нему была официально благожелательной. Затем началось резкое охлаждение. 29 марта 1954-го года Советский Союз наложил вето на постановление Совета Безопасности ООН, требовавшее свободы судоходства для израильских кораблей в Тиранском проливе и в Суэцком канале. Это вызвало обострение египетско-израильских отношений, приведшее к войне между Египтом и Израилем в октябре 1956 года.

С тех пор не только постоянно усиливалась советская подготовка ряда арабских стран к новой — третьей войне с Израилем, но и резко обострилось политическое и пропагандное наступление руководства КПСС против Израиля. С. Шварц представил доказательства того, что руководители КПСС и контролируемые ими режимы в середине шестидесятых годов вновь начали особенно усиленно готовить ряд арабских стран к третьей войне с Израилем. Египет, Сирия, Ирак, Алжир получили из Советского Союза и других стран Варшавского договора вооружение, общая стоимость которого составила за десятилетие перед 1967 годом сумму, превысившую четыре миллиарда рублей. В упомянутые арабские страны были направлены тысячи советских военных инструкторов и советников. С. Шварц показал также, что в течение этого десятилетия советские политики постоянно и открыто одобряли воинственную пропаганду и военные действия арабских партизан и оправдывали диверсионно-террористические акты против мирного израильского населения. Советские дипломаты пользовались для этого, в частности, правом вето в Совете Безопасности ООН.

Период особого обострения антиизраильской политики руководства КПСС начался в 1966 году. В феврале этого года в Сирии произошел очередной военный переворот. К власти пришли просоветские деятели. Пытаясь отвлечь население от внутренних бед и неурядиц, они стали упорно инспирировать антиизраильскую кампанию, призывая немедленно «раздавить Израиль». Политическая атмосфера на Ближнем Востоке, подогреваемая политикой и пропагандой руководства КПСС, все более накалялась. Все попытки Совета Безопасности ООН смягчить напряжение неизменно срывались советским вето. В арабских странах шли лихорадочные приготовления к войне, открыто инспирируемой руководителями КПСС. С. Шварц пишет:

«Совещание высшего военного командования ОАР с политическими и

военными руководителями Советского Союза было открытым свидетельством, что ближневосточный кризис вступил в новую фазу, что на первый план выдвигается мысль о разрешении его военными мерами и что Советский Союз в этой стадии развития кризиса принял на себя на арабской стороне почти ведущую, если не военную, то военно-политическую роль» (стр. 53, 54).

И далее: «Повсюду в арабских странах, особенно в ОАР, Сирии и Ираке продолжалась лихорадочная подготовка к войне и в этой подготовке Советский Союз уже почти открыто принимал на себя — и в политическом и в военно-техническом отношении — руководящую роль» (стр. 60).

С. Шварц сообщил также, что 14 мая 1967 года, когда из Москвы вернулась египетская делегация, Насер официально объявил о закрытии для Израиля Тиранского пролива. Израиль опять, как и до войны 1956 года, оказался отрезанным от иранской нефти. Одновременно Насер потребовал у командующего войсками ООН «прекратить присутствие военных отрядов Организации Объединенных Наций на египетско-израильской границе». Путь к войне был расчищен.

Как сообщает С. Шварц, руководители КПСС не только инспирировали эту войну; они неоднократно официально и даже открыто заявляли, что окажут арабским армиям прямую военную поддержку. Так, 4 октября 1967 года премьер Израиля Л. Эшколь заявил на пресс-конференции, что 27 мая 1967 года президент США Джонсон сообщил Эшколю по телефону, что «Косыгин только что предупредил его, что если Израиль начнет военные действия, Советский Союз немедленно вмешается в войну на стороне арабов» (стр. 101).

По-видимому, только возражения США удержали руководство КПСС от выполнения своих угроз.

10 июня 1967 г. большая война на Ближнем Востоке прекратилась, но не прекратилась политика руководства КПСС, разжигающая слепую ненависть и новые войны.

В книге «Советский Союз и арабо-израильская война 1967 года» собраны веские доказательства того, что руководители КПСС инспирировали ближневосточную войну в июне 1967 года. Явной целью этой войны была ликвидация Израиля (одного из членов ООН) и его еврейского населения. Руководители КПСС еще раз показали, что продолжают сталинскую политику ликвидации народов и их государств, политику геноцида.

А. Марков.

**Протопресвитер Георгий Граббе.
Церковь и ее учение в жизни.**

(Собрание сочинений, том второй).

Монреаль, 1970. 8⁰, 321 стр. Издание Братства преп. Иова Почаевского.

Предлагаемый выпуск является собранием 22-х статей автора, причем статьи 2, 3, 4 и 5, занимающие 75 страниц, представляют собою одно целое и посвящены известному русскому мыслителю А. С. Хомякову, преимущественно его богословским взглядам. Кроме того автор дает нравственный облик Хомякова, как типично-православного русского человека, и притом православного не только по традиции, но и на основании глубокого и твердо обоснованного знания не только православия, но и католичества.

Главы 6, 7 и 8 (стр. 117—140) тоже представляют собой одно целое и посвящены Митрополиту Антонию (Храповицкому), который до 1937 г. руководил русской православной Зарубежной Церковью. В этих статьях автор уделяет внимание и своим личным отношениям к Митрополиту Антонию, к которому он стоял очень близко.

В прочих статьях сборника автор обсуждает ряд вопросов канонического характера в связи с происшествиями последних лет, а также затрагивает и педагогические темы.

Вообще автор выявил себя как специалист по каноническим вопросам, что он еще в 1961 г. показал своим кричущим разбором книги С. В. Троицкого: «О неправде Карловацкого раскола»: — о. Георгий Граббе ответил на нее спокойно и обоснованно написанной книгой: «Правда о русской церкви на родине и за рубежом» (Джорданвилль, Св.-Троицкий монастырь, 1971, 8⁰, 217 стр.). Об этой книге следует напомнить.

Разбираемая, только что вышедшая книга имеет значение и ценность не только для специалистов-богословов, но и для православных русских общественных деятелей вообще.

И. Г.

— ◇ —

С. Л. ФРАНК

(К 20-летию со дня кончины)

20 лет тому назад 10 декабря 1950 г. в изгнании в Лондоне скончался видный русский философ Семен Людвигович Франк.

С. Л. Франк родился в Москве 16 (28) января 1877 г. В 1894 г. он поступил на юридический факультет Московского университета. Уже в 1900 г. появляется его первый научный труд — критический этюд о марксизме: «Теория ценности Маркса и ее значе-

ние». В 1902 г. вместе с П. Б. Струве и П. И. Ногородцевым он принимает участие в сборнике «Проблемы идеализма». С. Л. Франк один из авторов, вышедшего в 1909 г., знаменитого сборника «Вехи». В 1918 г. он принял участие во «вторых» «Вехах» — сборнике статей о русской революции «Из глубины». (Этот сборник был переиздан в Париже в 1967 г.).

В 1912 г. С. Л. Франк стал приват-доцентом Петербургского университета, а в 1917 г. он переезжает в Саратов, где стал ординарным профессором и деканом историко-философского факультета. В этот период Франк выпустил несколько основополагающих философских трудов: «Предмет знания», «Душа человека», «Непостижимое».

В 1922 г. Франк был арестован и с большой группой русских ученых и

писателей (около 100 человек) выслан за пределы СССР.

Эта высылка спасла от неминуемой гибели в тюрьмах или концлагерях целый ряд крупнейших представителей русской культуры. Эта высылка дала им возможность продолжить свою творческую работу, хотя и в тяжелых, но зато свободных условиях жизни в эмиграции. И это их творчество поможет сохранить для будущего преемственность русской духовной культуры. Этот процесс начался уже довольно давно. Новая, молодая русская интеллигенция на нашей родине зачитывается трудами высланных в 1922 г. авторов. И это их пофмертное «возвращение на родину» — лучший памятник на их могилы, находящиеся пока еще на далекой чужбине.

А. Ж.

Х Р О Н И К А ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

● Скаутмастер Л. С. Аполоньев выступил на страницах скаутского журнала «Заря» № 9, 1970 г., выходящего в Сиднее (Австралия), за объединение двух русских скаутских организаций НОРС и ОРЮР. Во всех странах российского рассеяния существуют соединения скаут-разведчиков, входящих в две основные организации НОРС и ОРЮР под общим знаменем их небесного покровителя св. Георгия Победоносца. Существенных различий в основах этих двух организаций нет. Те же законы и правила, та же программа и принцип работы.

● Русская консерватория имени С. Рахманинова в Париже была основана в 1923 году. К числу основателей относятся: Шалапин, Ж. и Л. Конюс, Г. Галаньян, А. Глазунов, А. Гречанинов, Н. Кедров, С. Кусевский, Н. Метнер, Н. Орлов, В. Поль, С. Рахманинов, Н. Черепнин и другие. В настоящее время консерваторию возглавляет лауреат Петербургской консерватории, скрипач Алексей Романович Андреев. В консерватории учится около двухсот учеников. Есть классы: рояля, скрипки, гитары, альты, виолончели, музыкальных инструментов русского фольклора, пения, мизансцены, хора, теории и истории музыки, композиции, классического балета и дирижерский класс. В консерваторию принимаются ученики всех национальностей, без ограничения возраста. Главное затруднение консерватории материального характера. Регулярная денежная помощь поступает в очень незначительных размерах от «Попечительного Совета Беляева». В трудные моменты выручает виртуоз-балалаечник Тер-Абрамов, который устраивает концерты в пользу консерватории.

● Русский хор из Парижа под управлением дирижера Е. И. Евцеца с большим успехом выступал на концерте в Бад-

Гомбурге (ФРГ) по случаю окончания летней встречи студентов, изучающих русский язык (с 16 августа по 4 сентября).

● Русской колонии города Сиднея (Австралия) хорошо известен молодой русский певец-бас Александр Шахматов. Ученик опытного учителя пения С. А. Камаралли регулярно выступает на концертах в Русском клубе. А. Шахматов выступает также в австралийском телевидении и принял участие в концерте лучших певцов страны, организованном газетой «САН».

● По случаю двадцатилетия пребывания русской эмиграции в Австралии, Кружок русской молодежи в Австралии (Западная Австралия) организовал вечер-концерт с выступлением балетной группы. Доход от вечера пойдет на увеличение библиотеки, помощь скаутам, и на поездку делегатов кружка на съезд Русской православной молодежи, который состоится в Брисбене.

● Балерина Наталия Макарова впервые танцевала в паре с Рудольфом Нуреевым на балетном вечере БиБиСи в Лондоне. Как известно, Наталия Макарова еще до недавнего времени балерина Ленинградского балета имени Кирова, избрала свободу и отказалась вернуться в Советский Союз.

● Молодой русский певец Александр Шахматов занял первое место в соревновании, проведенном по телевидению в Австралии.

● Русская школа в Сан-Пауло (Бразилия), руководимая К. К. и Н. Н. Троицкими, пережила в этом году трудный период: скончался К. К. Троицкий. И только благодаря самоотверженной работе Наталии Николаевны Троицкой и

ее помощницы Н. Проиной, а также моральной поддержке архиепископа Серафима, преподавание смогло продолжаться без перерыва. В октябре выпускные экзамены прошли успешно. Кулаевский Фонд оказывает содействие школе, оплачивая помещение.

● Комитет Русской Православной Молодежи в Америке развил энергичную и успешную деятельность, главным образом по сбору средств в помощь русским церквям, школам и благотворительным начинаниям. Так на детский приют в Чили собрано 4270 долларов; на постройку св.-Сергиевского храма в Бразилии — 26000 долларов, для помощи православным храмам на Карпатской Руси — 350 долларов; нуждающимся и больным на Святой Земле — 400 долларов, сан-францисскому кафедральному собору — 250 долларов, на издание школьных книг в Австралии 250 долларов, на окончание постройки св. Покровского храма в Сиднее (Австралия) 4500 долларов, женскому монастырю «Новое Шамордино» в Австралии 6500 долларов, Архиерейскому Синоду 1550 долларов. Комитетом издан календарь-журнал на 1971 год.

● Организации Витязей существуют во Франции, Бельгии, Аргентине и Австралии. Кроме воспитательной работы с детьми, витязи также занимаются издательской деятельностью. Необходимо отметить журналы «Белый крест», «У витязей», «Витязь» и «Костер». Кроме того, в Бельгии и Франции выходят журналы местного значения. При Организации имеются русские библиотеки. При Аргентинском Округе организована русская субботняя школа. Для подготовки руководителей создана «Школа Инструкторов».

Большое воспитательное значение имеют летние лагеря и организация делает в этом направлении значительные усилия для их улучшения, оборудования и снабжения педагогическими пособиями. В Аргентине и во Франции лагеря находятся на собственной территории и обстроены необходимыми помещениями. Во Франции в лагере даже построена церковь на сто пятьдесят человек. Помимо летних лагерей, которые продолжаются от одного до двух месяцев, организация еще устраивает зимние — на снегу (Франция) и весенние во время местных пасхальных католических каникул (Франция, Бельгия). Во Франции они устраиваются в городе Мурмелон (Шампань), при ските «Всех Русских святых» около русского военного кладбища (1914—18), где дети проводят время в соответствующей духовной обстановке. За 1969—70 учебный год через лагерь прошло 407 человек.

● Донской казак профессор И. И. Чеботарев, известный гидролог, принял участие в научных изысканиях в Большой Песчаной пустыне в Западной Австралии. Еще в 1940 году И. И. Чеботарев должен был получить професуру в Магнитогорском горном институте, но спецотдел выступил против этого назначения.

● Сотрудница нашего журнала доктор Вера Александровна Пирожкова, защитившая с успехом диссертацию на тему «Свобода и необходимость в истории» на соискание второй научной степени, вернулась из поездки в США, продолжавшейся четыре недели. В США Вера

Александровна выступала с докладами в ряде университетов, в том числе в Нью-Йоркском, Колумбийском, Вашингтонском имени Джорджа Вашингтона и в Пенсильванском университете Бринмоур. Основные темы докладов были: «Проблемы прогресса у Герцена и Достоевского», «Свобода и необходимость в истории в произведениях Льва Толстого» и «Необходимость и случай в учении исторического материализма». Кроме того, Вера Александровна встречалась с сотрудниками русской эмигрантской прессы.

● А. Г. Макриди сделал на собрании кружка «Русское творчество» в Кройдоне (Австралия) доклад о Ленине.

● Н. Н. Протопопов — преподаватель Сиракузского университета (США) прочел в прошедшем году ряд докладов об А. И. Солженицыне. Мы отмечаем его доклад в зале библиотеки Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле, в котором он осветил тему: «Солженицын и его отношение к официальной Церкви в СССР». В русско-американском клубе в Сиракузах Н. Н. говорил о творчестве замечательного русского писателя, почитаемого в России как «совесть и ум нашего народа». Доклад был прекрасно иллюстрирован чтением произведений Солженицына. По приглашению Русского отдела Нью-Йоркского университета города Албани Н. Н. прочел доклад о творчестве Солженицына, особенно подчеркнув что «правда и справедливость это — сущность философии, творчества и всей жизни Солженицына, ибо вся жизнь его — лучший комментарий на его творчество».

● Восьмого ноября в Нью-Йорке состоялся «День Скорби и Непримиренности», организованный Союзом святого Георгия. Более тысячи собравшихся переполнили большой зал. Среди почетных гостей — митрополит Филарет. На сцене президиум в составе восемнадцати представителей различных эмигрантских организаций. Почетный председатель Союза св. Георгия князь С. С. Белосельский, открыв собрание, предложил слово главному докладчику писателю В. Д. Самарину, начавшему свое выступление словами Бунина: «Каин России, радостно-безумным остервенением бросивший за тридцать серебрянников свою душу под ноги дьявола, восторжествовал полностью». Так писал Бунин в очерках-дневниках «Окаянные дни» — о тех днях, когда большевики захватили власть, когда пали «все преграды Божеские и человеческие», когда в «тысячелетнем и огромном доме нашем наступила вечная смерть...» «Кончился этот проклятый год», писал Бунин в конце семнадцатого года. «Но что дальше? Может быть, еще более ужасное. Даже на верное так». Большому писателю дано предвидеть, — продолжал В. Д. Самарин свой доклад — Народы России ожидало действительно ужасное. Глубокое падение духа, неисчислимые потери народа. По подсчетам социологов и статистиков, за время коммунистического господства Россия потеряла сто десять миллионов человеческих жизней. Приведа страну к демографической катастрофе, руководство КПСС не оставляет маниакального замысла построения всемирной коммунистической тюрьмы.

● 25 октября Комитет русских общественных организаций устроил в Брюсселе

собрание, посвященное октябрьскому перевороту. Открывая собрание, редактор журнала «Часовой» В. В. Орехов остановился на новом явлении в Советском Союзе — на освобождении от страха и на присуждении Нобелевской премии писателю Александру Солженицыну. В главном докладе собрания профессор М. В. Гардер говорил о современном положении в Советском Союзе, который управляется сейчас почти стоглавым аппаратом со множеством разных группировок и фракций, борющихся за власть. Докладчик обрисовал политику Советского Союза в отношении Китая, Индокита, Ближнего Востока и Африки. Советский Союз находится накануне «дворцового переворота», в котором победителем может оказаться КГБ, приобретающий все большее влияние.

● В Париже Общество любителей церковного пения отметило столетнюю годовщину со дня смерти известного русского скрипача, духовного композитора, реформатора церковного хорового пения и, между прочим, автора русского гимна «Боже царя храни», Алексея Федоровича Львова (25 мая 1798 — 16 декабря 1870). Было устроено торжественное собрание в помещении американской церкви Ке д'Орсэ, собравшее многочисленную русскую и французскую публику. Доклад о деятельности и культурном значении А. Ф. Львова был прочитан И. А. Гарднером. Четырьмя русскими хорами был исполнен ряд духовно-музыкальных сочинений А. Ф. Львова. Управляли хорами: Л. А. Рапапорт, Е. И. Евец (молодежный хор численностью в пятьдесят голосов), С. Ф. Спаский и Г. Н. Григорьева (хор имени П. И. Чайковского). Часть доклада переводилась на французский язык.

● Общество русских ветеранов Первой мировой войны в Сан-Франциско (США) устроило в своем доме музей, посвященный былой российской славе и гражданской войне. В числе экспонатов имеются: Российские государственные гербы, вывезенные из русского посольства в Пекине; Георгиевский штандарт 17-го Черниговского гусарского полка; старинная библия из Ипатьевского дома в Екатеринбурге; пять серебрянных труб, пожалованных 14-му Восточно-Сибирскому полку за боевые заслуги при обороне Парт-Артура. Во втором этаже помещается отдел музея, посвященный гражданской войне. Музеем заведует Петр Георгиевич Гаттенбергер. Библиотека Общества насчитывает более десяти тысяч томов. В том же здании находится и типография журнала «Вестник Общества русских инвалидов Первой мировой войны», регулярно выходящего с 1926 г.

● В октябре этого года в Уоткинс Глен (США) состоялась встреча членов Руководящего Совета отдела СБОНР в Соединенных Штатах Америки и в Канаде. Особое внимание было уделено издательской деятельности СБОНРА. Обсуждалась подготовка к изданию книг «Женщины в СССР» и «Сборник статей о Солженицыне».

● В Нью-Йорке издательством «Зарубежная Русь» выпущен русский православный календарь на 1971 год, посвященный пятидесятилетию Великой Скорби Российской 1917—1967. В предисловии сказано: «Настоящий, на 1971 год, календарь посвящается русской науке и

русской культуре по всем отраслям ее развития, ее гениям, всем ее творцам и сподвижникам, создавшим бессмертную славу прошлому нашей великой православной родины». С заказами на календарь следует обращаться к редактору издательства по адресу:

Russia Ambord, P.O. Box 322,
New York, N.Y. 100 31, USA

● В ФРГ появились поддельные марки с портретом Ленина. Почтовая дирекция обнаружила в апреле около семидесяти писем, франкированных этой маркой и опущенных в почтовые ящики города Франкфурт-на-Майне (ФРГ). Большеин-

Одна из задач «Зарубежья» как можно шире освещать жизнь, деятельность и творчество зарубежной России в целом.

Редакция обращается поэтому ко всем читателям журнала с просьбой присылать нам информационный материал о событиях из жизни эмиграции. С этой же просьбой редакция обращается и ко всем организациям, учреждениям и издательствам нашего русского рассеяния.

ство из этих писем было адресовано членам Бундестага и содержало коммунистическую пропаганду.

● 11 сентября 1970 г. на участке Центра Толстовского Фонда был торжественно открыт Дом для больных и престарелых, рассчитанный на 96 человек. На всех собравшихся на открытие Дома — членов Американского Правительства и присутствовавших друзей — Дом произвел очень благоприятное впечатление. Что касается больных, то они в Доме довольны и даже счастливы. Они могут посещать богослужения в церкви на Ферме. Особое внимание уделено различным занятиям, отвлекающим стариков от больничной рутины. Рукоделия, кустарные работы, игры, по вечерам кинематограф, лекции, чтение вслух, пластинки русской музыки скрашивают однообразие жизни.

● Обществом имени святого праведного Иоанна Кронштадского построен в Лос-Анджелесе (США) дом для престарелых. Двухэтажный дом расположен в тихом районе города. На первом этаже столовая, гостиная, кухня, комнаты для служащих, на втором — комнаты обитателей дома.

● В русской колонии Ст.-Пола (Бразилия) строится храм со школой. Для осуществления проекта уже собрано 37 598 крузейров. Это пожертвования русских людей. Жертвователей просят направлять деньги в адрес настоятеля прихода: Padre Peter Savadovsky, Rue des Acores 403 Porto Alegre, R.G.S. BRASIL.

● Строительный комитет Храма-Памятника в Брюсселе открыл сбор пожертвований на приобретение колоколов. Колокола будут отлиты в бельгийском городе Malimes, известном своими литейщиками колоколов. Знаток русского колокольного звона И. И. Исцеленнов точно разработал тональное созвучие шести предвиденных колоколов. Пожертвования просят направлять по ад-

ресу: Société Générale de Banque, B-1000 Bruxelles, Belgium. Pour Compte № 73.818. „Paroisse Orthodoxe Russe de St. Job. A.S.B.L.“

● В ночь на 20 ноября была совершена кража со взломом в Свято-Николаевской церкви во Франкфурте (ФРГ). Недавно сооруженный храм стоит на открытом участке земли. За недостатком средств при храме до сих пор нельзя было построить жилого дома для причта или хотя бы временной сторожки. Совершенное нападение сочетается в себе черты профессионального взлома с чертами чисто кошунственного характера. Похищено напрестольное Евангелие, но оставлена Чаша. Похищен Ковчегец из Дарохранительницы и Святые Дары выброшены на паперть храма. Брошена на пол Плащаница.

● Греческий Преображенский монастырь близ Бостона (США), находящийся в юрисдикции нашего Архиерейского Синода, приобретает усадьбу в Бруклине, лучшей части Бостона. Большой дом в этой усадьбе позволит монастырю принимать новых иноков, что было до сих пор невозможно за недостатком места. Здание, ныне занимаемое монастырем, будет предоставлено организующемуся греческому женскому монастырю.

● Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей митрополит Филарет совершил в этом году паломничество в Святую Землю, где поклонился Гробу Господню, посетил русские монастыри и был радушно принят патриархом Иерусалимским Венедиктом.

На обратном пути митрополит Филарет побывал в русских православных храмах Западной Европы и дал несколько интервью представителям иностранной печати.

● 15 ноября Высокопреосвященный митрополит Филарет совершил освящение нового храма Казанской иконы

Светлана Аллилуева.

Из книги «Только один год»:

«В университете я прошла курс исторических и социальных наук. Мы изучали марксизм всерьез, конспектировали Маркса, Энгельса, Ленина и, конечно, Сталина. От всех этих занятий я только пришла к заключению, что тот теоретический марксизм и коммунизм, который мы изучали, не имел никакого отношения к реальной жизни в СССР. Наш социализм в экономическом смысле был больше похож на государственный капитализм. В социальном же отношении это был какой-то странный гибрид: бюрократически-казарменный режим, где тайная полиция напоминала германское гестапо, а отсталое сельское хозяйство — деревню XIX века. Ничего подобного не снилось Марксу. Прогресс был забыт. Советская Россия порвала со всем революционным, что было в ее истории и встала на привычные рельсы великодержавного империализма, заменив при этом либеральные свободы начала XX века террором Ивана Грозного».

Божьей Матери в городе Ньюарке. В храме собралось много молящихся, как местного прихода, так и из других приходов. Владыке митрополиту сослужил протопресвитер Г. Граббе, архимандрит Геласий, священники Илия Качевский, Стефан Летяго и новый настоятель прихода священник Владимир Шишков.

● 15 ноября в Лесненском монастыре в Провмон (80 км к северу от Парижа) состоялся съезд русской православной молодежи, на которые собралось более ста молодых людей и девушек из Франции, Бельгии, Швейцарии и Германии. Утром архиепископ Антоний в сослужении монастырского и парижского духовенства Русской Зарубежной Церкви совершил божественную литургию в церкви монастыря. Молитвенному подъему способствовало мощное и стройное пение хора парижской молодежи под управлением Г. Н. Григорьевой. После литургии был совершен молебен перед Лесненской чудотворной иконой Божьей Матери. Во время общей трапезы, предложенной игуменьей монастыря матерью Феодорой, богомольцы наполнили не только трапезную, приемную и вестибюль главного монастырского корпуса, но и ступени лестницы, на которой пришлось расположиться части молодых паломников. После трапезы архиепископ Антоний открыл собрание в зале монастырской гостиницы словом о том, что «Бог есть Истина», и о служении Истине. Был оглашен доклад епископа Нафанаила (сам владыка прибыть на съезд не мог) о задачах Православного Дела и о значении русских обителей в Святой Земле. Г. А. Рар прочел доклад о Русской Церкви в России, в котором привел сведения о преследуемых мирянах Истинно-Православной Церкви и об активных действиях молодой православной интеллигенции. П. П. Кантакузен обрисовал положение в русских монастырях на Афоне, где он неоднократно бывал и где он в этом году вновь провел несколько недель. Н. Б. Тарасова осветила вопросы практической деятельности Православного Дела. После собрания многие молодые люди и девушки выразили желание принять участие в работе Православного Дела.

*Редактирует коллегия
Редактор В. Сорокин*

Секретарь редакции А. Желнич

Перепечатка разрешается,
но с указанием источника.

Адрес редакции:

SARUBESCHIE

8 München 86

Postfach 860327

Bundesrepublik Deutschland

Банковский счет № 30 / 90 246
Банк: Neuvians, Reuschel & Co.
8 München 80, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt
V. Sorokin

Druck: „Logos“, München 19, Bothmerstr. 14